

The background of the cover is a vibrant, painterly illustration. In the upper left, a large, teal-colored dragon with translucent wings is shown in flight, breathing a stream of white smoke. Below the dragon, a city with several large domes and classical architecture is situated on a hill. A river flows in the foreground, where a wooden sailing ship with a red sail is docked. Swirly, ethereal purple and pink smoke or magic flows from the dragon towards the city and the water. The overall style is whimsical and fantastical.

Ирина Кварталова

ЛАУРЕАТ
ПРЕМИИ

Рукопись года

ВРЕМЯ
СОЗИДАТЬ

Ирина Кварталова

Время созидать

Серия «Дети Великого Шторма (АСТ)»

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70053604
Время созидать: Издательство АСТ; Москва; 2024
ISBN 978-5-17-159597-5*

Аннотация

Тильда – мастерархитектор одного из самых больших храмов столицы. Грандиозное строительство поглощает почти все ее силы и время, и Тильда не замечает, как жизнь, выстроенная некогда по четкому, упорядоченному плану, начинает рушиться. Сын ввязывается в игры с опасной темной магией, а вялые бюрократические интриги перерастают в жестокое противостояние, исход которого предreshен.

И когда в единый миг не остается ничего – ни дома, ни дела, ни репутации, – хватит ли сил не отчаяться и начать новую жизнь в другой стране, имея при себе лишь знания и упорство? Хватит ли мудрости понять сына и разглядеть в случайном попутчике того, кто не просто протянет руку помощи, но станет и опорой, и светом? Хватит ли смелости измениться и, пройдя сложный, полный лишений путь, обрести наконец себя?

Содержание

Благодарности	5
Пролог	6
Часть первая	21
1	21
2	30
3	37
4	46
5	54
6	64
7	77
8	86
9	95
10	103
11	110
12	119
Часть вторая	128
1	128
2	137
3	143
4	154
5	171
6	179
Конец ознакомительного фрагмента.	182

Ирина Кварталова

Время созидать

© Ирина Кварталова, текст, 2023

© Полина Смирнова, ил., 2023

© Алиса Плис, обложка, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2024

* * *

Благодарности

Полине, потому что без тебя эта история не была бы написана.

Насте – твоя поддержка, твои рисунки и наши с тобой обсуждения дали мне силы идти дальше.

Алисе – за поддержку и классные идеи, за интерес к истории.

Агнессе – за мудрые советы и искренний интерес и за возможность обсуждать героев и сюжетные ходы.

Люде – за тепло и пинки в нужное место и за участие в судьбе этой книги.

Оле – за то, что молча читала абсолютно все версии этого романа и никогда не отказывала в поддержке.

Саше – за искреннюю веру в то, что у меня что-то получится, особенно тогда, когда я переставала сама в это верить.

Диме – за терпение и любовь.

И тебе, мой читатель.

Пролог

Чистый лист

Жара пала на Даррею внезапно. Она вонзилась в столицу раскаленным копьем, и небо стало как выцветшая синяя тряпка, крыши словно горели и плавились в потоках дрожащего воздуха.

Город задыхался. Задыхался от густой красноватой пыли и зловония, что поднималось с реки, от мыловарен и дубилен в ремесленных кварталах, от свалок и пожарищ – в бедняцких.

Полуденная тень приклеилась к стенам домов, замерла в ожидании дождя.

Замер на отметке «Сушь» и столбик барометра перед залом собраний Градостроительного ведомства. Барометр ви-

сел в простенке между окнами, поблескивая стеклом высокой колбы. Чтобы унять беспокойство, Тильда прохаживалась мимо и старалась думать о новых опытах математика Роберта Талла, атмосферном давлении, и как эти знания смогут пригодиться ей в работе. На самом-то деле математик хотел, чтобы струя фонтана на площади Сената поднялась выше, чем поднималась обыкновенно. А изобрел способ предсказывать бури.

Она остановилась напротив кадастрового плана города во всю стену, высеченного из мрамора, рассеянно рассматривала знакомые очертания Колец и районов за ними, отмечая изгиб реки и каналы, густую сетку улиц. Рядом перешептывались и пересмеивались, беззаботно и легко.

– Расслабьтесь, – сказали насмешливо за спиной, – вы же не экзамен держите.

Тильда вздрогнула и обернулась. В глаза бросилось крупное прыщавое лицо с огромным носом, взмокшая завитая челка и тугой накрахмаленный воротник, отсекающий подбородок от черного сюртука.

– Ник, разве так заводят знакомство с дамами? Любая предпочтет сбежать, а не слушать твои подгнившие остро-ты! – К прыщавому подошел другой – статный мужчина в синем расшитом атласными лентами дублете. Он широко улыбался, хотя в улыбке скользила снисходительность. Еще бы! Тильда знала его: мастер Дерек Шанно, возводил Западный мост, построил здание оперного театра. И как она, дочь куп-

ца, не закончившая еще ни одного собственного проекта – посмела прийти?..

– Я к вашим услугам, госпожа, – мужчина поклонился, отставив ногу и снимая шляпу, помахивая ею так, что длинные пышные перья касались пола, – смею надеяться, вы помните меня? Мы были представлены друг другу прошлой весной на ежегодном балу. А моего незадачливого товарища зовут Николас Гренви. Но можете не утруждать себя запоминанием этого имени – примечателен в Николасе только его нос.

– Господин Шанно. – Тильда ответила приличествующим случаю реверансом. – Вы всегда так любезны со своими друзьями?..

– А вы всегда так удручающе серьезны? Признаюсь, я не думал, что вы тоже будете участвовать, госпожа Элберт.

Несколько человек прислушивались к разговору с явным любопытством.

– К сожалению, это беда многих людей в наше время – они не думают.

– Вы слишком категоричны! – Дерек снова улыбнулся. – От этого случаются всяческие неприятные вещи вроде желудочных болезней. А я себе не прощу, если вы погибнете во цвете лет, потому что Даррея лишится красивейшей женщины и талантливого мастера.

– Еще как простите!..

Дерек прижал руку к сердцу, делая вид, будто в него выстрелили.

– О, вы так жестоки со мной! Мое сердце разбито! На сонет вы вряд ли согласитесь, придется сочинить в вашу честь трагическую поэму, в конце которой несчастный герой покончит с жизнью от неразделенной любви! «О дева, что смотрит на сей смертный мир, чьи очи, как горный родник, холодны, чьих губ не касались чужие уста, дай знак, что надежда моя не пуста...»

– Не знала, что вы творили под именем Като и жили тысячу лет назад.

– Вы разбираетесь в древнеадрийской поэзии!.. – неподдельно восхитился Дерек Шанно. – Может быть, нам с вами стоит прогуляться в Золотых садах? Это более приятное место для чтения стихов.

Тильда начала терять терпение. Светские беседы всегда давались ей с трудом, а флирт раздражал. Ее ответ прозвучал резко:

– Вы можете попытаться. Если у меня найдется время и если вы не против, чтобы нас сопровождал мой сын.

– Я уверен, что это прелестный мальчик и такой же талантливый, как...

– Прошу меня извинить, господин Шанно, вряд ли я сейчас лучший собеседник для столь блистательного мастера, – проговорила Тильда как можно учтивее, кивком давая понять, что разговор окончен, и, пока мужчина не опомнился, быстрым шагом пересекла приемную и подошла к окну. Оттуда обдавало жаром.

На мастера Шанно она не оглядывалась, но лопатками чувствовала, что он смотрит в спину. И ведь вряд ли он хотел задеть ее! Но привычка бежать от подобных бесед, от разговоров, взглядов, пылких обещаний, которые никто, разумеется, не выполнит, давно срослась, скипелась с ней.

Тильда облокотилась на подоконник, глядя на каштан, на то, как зыблются пятна света и тени. Солнце жгло щеки, горячей полосой лежало на смуглых руках, зажигало серебро браслетов. А внутри все сильнее натягивалось что-то, кажется, тронь – зазвенит, как медный гонг у храма Созидающего. Когда же закончится эта пытка? Она ненавидела ожидание, неизвестность, ненавидела до дрожи в пальцах.

Духота приемной давила огромной пуховой подушкой, стены были хуже тугого корсажа – не освободиться, не убежать. Зачем она пришла, да еще вырядилась в лучшее платье, в лимонно-желтый шелк и кружева?.. Вместо этой бесполезной затеи могла бы пойти с сыном посмотреть на руины Ушедших или в Морские сады, там фонтаны, павлины, тишина и прохлада, там можно бросать мяч или сидеть на берегу пруда и не думать обо всех этих надутых индюках, которые стоят и смотрят на нее – будто ни разу в жизни не видели женщины!

– Как же, ученица Урсулы Хеден, ну да... гордячка... – послышалось за спиной. Кто-то хихикнул, наверняка обладатель прыщавого носа.

– Не с теми разговорами ты к госпоже Элберт пристал!

Не знаешь разве, что ей милее обсудить «Размышления о природе света», чем флиртовать?..

Мальчишки. Какие же они еще мальчишки. Но были и другие – те, кто злословил за спиной, говоря в лицо приятные вещи, тихо ненавидя любого соперника, завидовал чужому таланту и при этом считал себя чуть ли не воплощением Созидающего на земле.

Тильда прикрыла глаза, чувствуя веками горячий солнечный свет. Сдаться? Этим напыщенным павианам? Нет уж. Пусть выкусят!

Позади скрипнула дверь.

– Господа... и дамы, – звучный, раскатистый голос сенатора Нирно легко доставал в самый дальний конец зала. Тильда медленно повернулась к двустворчатым дверям, украшенным знаками братства зодчих. И старалась смотреть не на лицо сенатора, а на скрещенные циркуль и линейку над его головой. – Мы рассмотрели ваши проекты и рады сообщить, что нами выбран проект госпожи Элберт. Остальным мы выражаем благодарность и надежду, что ваши таланты еще послужат на благо городу.

– Да чтоб вас всех Безликий пожрал с этим городом пополам! – в сердцах выговорил Николас Гренви, хлопнул ладонью по колену и вышел, не прощаясь.

Недовольный, расстроенный гул голосов резко отодвинулся, стал приглушенным, как шелест волн. Мужчины забирали свои чертежи, поздравляли с победой, прощались

и расходились. Больше никто не позволил себе неподобающего выражения чувств.

– Мои поздравления, госпожа! Пришлите записку, если захотите прогуляться, – шепнул над ухом Дерек Шанно. – Я вовсе не против познакомиться с вашим сыном.

Колкий ответ остался невысказанным.

– Госпожа Элберт? Прошу, – сенатор махнул рукой, приглашая идти следом.

Тильда кивнула Дереку Шанно на прощание и энергичным, решительным шагом вошла в ярко освещенный, просторный зал, одетый в гранит, дуб и мрамор.

За широким резным столом сидели члены братства зодчих; служители Многоликого в коричнево-оранжевых одеяниях; глава Градостроительного ведомства – пожилой и удивительно розовощекий Яков Литт – разговаривал с сухопарым щуплым старичком из магистрата, чьего имени Тильда не помнила.

Напряжение сгустилось в воздухе, как перед бурей – никакого барометра не нужно, чтобы почувствовать эту надвигающуюся грозу.

Сенатор Нирно чуть улыбнулся ей, глава братства зодчих, Тиам Онхал, кивнул, поймав ее взгляд.

Яков Литт подошел к ней и с силой, удивительной для его преклонных лет, пожал руку. Его светлые глаза улыбались.

– Рад! Ужасно рад, как ныне молодежь говорит! Птенцы должны покидать гнездо, а?

Пальцы заохолодели, а кровь прилила к щекам. На столе лежали ее рисунки и чертежи – передний, задний и боковые фасады храма, разрез, план – квадрат с вписанным в него кругом – идеальные формы. Идеальное здание, выстроенное по всем правилам искусства эпохи Ушедших. И все эти именитые мастера рассматривали рисунки, передавали их друг другу, кто-то кивал головой, кто-то – хмурился.

Поверить было сложно. Невозможно!

– Я рад, что именно вы победили. – Мастер Тиам Онхал встал, чтобы отодвинуть для нее тяжелый стул. В наступившей тишине ножки с визгливым стоном проехали по каменной плитке.

– Я не надеялась на победу, – просто ответила Тильда.

– Похоже, вы лукавите, – улыбнулся Яков Литт. – Господин Онхал рекомендовал вас как исключительно одаренную женщину. И если вспомнить, что вашей наставницей была великая Урсула Хеден... Так жаль, что она этого не видит...

– Господа, давайте уже перейдем к делу, – напомнил сенатор Нирно, стукнув несколько раз о стол небольшим деревянным молоточком. – Нам еще нужно обсудить вопросы насущного характера... Назначить в помощь госпоже Элберт мастеров-строителей...

По его тону было ясно, что вместо насущных вопросов он с большим удовольствием занялся бы чем-то более приятным.

– Прошу прощения, уважаемый Нирно, уважаемые масте-

ра. – Со своего места встал отец Грегор, представляющий священный Агорат. – Вопрос мой касается необыкновенности вида храма Многоликого, вдохновением для коего послужила, как я понимаю, эпоха Ушедших. Я впервые вижу, чтобы кто-то из ныне живущих и живших ранее мастеров использовал этот стиль.

Тильда ждала этого вопроса. Боялась его. Но как только вопрос прозвучал – он перестал пугать, и ответ замер на кончике языка.

Мастера и чиновники смотрели на нее с любопытством, готовые слушать. Тильда мгновение поколебалась, стоит ли ей говорить сидя или лучше встать, и все-таки встала, от внезапной неловкости путаясь в пышной юбке. Но голос ее был тверд:

– Для меня здание – единый организм. Как изъян в человеческом теле нарушает его целостность, так и изъян в пропорциях нарушает целостность здания. Вы все знаете, что на юге, в Файоссе, где я родилась, руины эпохи Ушедших встречаются очень часто. И я долгое время не могла понять, в чем секрет совершенства их построек. Люди думают, что Ушедшие строили с помощью некой божественной силы. Но это не так. Я много раз рисовала то, что сохранилось относительно целым, а потом нам с Урсулой пришлось в голову измерить соотношения сторон, длины, ширины... И оказалось, что Ушедшие строили по точному математическому расчету, и никакого волшебства в том нет. В осно-

ве их планов лежали простые фигуры: круг, квадрат, прямоугольник. Поэтому стиль Ушедших прост, легок, воздушен, приятен глазу. Тяжеловесные украшения, все эти золоченые капители, эта наша помпезная и громоздкая архитектура – это все мешает видеть суть здания. А часто выглядит слишком неуместно в своей роскоши и стремлении показать другим державам, насколько мы богаты, как неуместны в такую жару плотные и тяжелые одеяния.

Щеки пылали, и под конец она немного охрипла от волнения. Некоторые из мужчин – кто действительно мучился в духоте зала от неудобной, слишком плотной одежды, – сдвигали головы и перешептывались.

– Позвольте, вы же не считаете, что людям надо ходить по улицам голыми аки зверям! – не к месту возразил человек из магистрата. – Как-никак, сами вы все-таки одеты.

– Я бы с удовольствием носила в такую жару легкое платье времен Ушедших, а не четыре слоя ткани, поверьте, господа, удовольствие я от этого получаю весьма маленькое. Красота, простота и удобство – вот то, что я хочу видеть в вещах, которые окружают нас. Простота и гармония камня и природы в зданиях, так, как строили наши предки. Кажется, мы об этом забываем. Храм на Долгом холме будет окружен зеленью и виден отовсюду. Главный купол синего цвета с серебряными звездами...

Рассказ захватил ее, и Тильда говорила горячо, убежденно, а перед глазами вставала картина, нарисованная неко-

гда акварелью: в ярком летнем небе поднимаются колонны храма, стройные, гармоничные, они совсем не нависают и не подавляют – стремятся ввысь. И камень, известка, дерево, железо вдруг становятся больше чем просто здание. Сила чужих душ, молитвы и веры наполнит это место иным смыслом, неизъяснимой, непонятной ей, но великой тайной, огромной, древней как мир и прекрасной, как сама жизнь. И люди, чья жизнь – борьба и тревоги – будут смотреть на храм и чувствовать, что это действительно место, куда сходит бог.

Молчание было ей ответом. За окном кричал что-то разносчик, тонко, почти нежно звенели о камень молотки рабочих, чинящих мостовую – будто кто-то играл на ксилофоне. Желтый солнечный свет затопил зал.

Но молчание длилось всего несколько невообразимо долгих мгновений, а потом Тильда услышала сухие хлопки – это был отец Грегор. Она опустилась на стул.

– Меня восхищает ваша смелость, – тепло улыбнулся священник. – Она сродни смелости дев Нириана.

– Спасибо. – Сенатор Нирно, напротив, одарил ее сухим кивком. – А сейчас мы с вами должны перейти к обсуждению места строительства...

– Было решено, что под храм город выделяет участок на Долгом холме, на правом берегу реки. – Яков Литт оглядел собравшихся. – Или я чего-то не знаю?

Сухой старичок из магистрата дернул лысеющей головой

так, будто не расслышал что-то:

– Долгий холм? Разве о нем шла речь?

– Не прикидывайтесь! Долгий холм давно нуждается в застройке. Там уже чуть ли не сто лет какие-то руины.

– Руины, между прочим, виллы Эндо... – вставил кто-то из мастеров.

– Агорат отказался выкупать у города эту землю, – сказал старик из магистрата. – Так как строительство на месте виллы Эндо слишком дорого для уважаемого Агората, – он кивнул отцу Грегору, – и придется выкупать у семьи Эндо часть земель.

– Да как же так! Господа, вы же понимаете, что проект создается под определенную местность! – Тильда снова встала, опершись ладонями о стол. – Изначально говорили о Долгом холме! Хотите придержать землю для более выгодного строительства?

– Вы судите о вещах, в которых ничего не понимаете. – Человек из магистрата взглянул на нее холодно.

– Господин... Риттен, – Тильда наконец вспомнила его имя, – позвольте мне и уважаемым мастерам судить о том, какая земля подходит под строительство.

– Кроме того, в саду Эндо люди видели черные деревья, ростки зла. Вы понимаете, что это значит? – продолжил, не слушая ее, старик. – Разве вы хотите, чтобы про храм говорили, что он построен на проклятом месте?

Снова воцарилось молчание.

Тильда не видела там ни одного ростка черных деревьев и не сомневалась, что и это – предлог.

– Я пошлю туда людей, дабы выяснить, в чем причина появления ростков зла, – сдавленно проговорил отец Грегор.

Сенатор Нирно кашлянул.

– И где вы предлагаете строить храм? – Тильда смотрела то на представителя Агората, то на сенатора. – Напоминаю, и отец Грегор меня поддержит, традиционно храмы Многоликому строятся на возвышенности.

– Это так, моя госпожа, но, увы, город находится в...

– Мы хотим видеть ваш храм на площади Семи Ветров, – сказал человек из магистрата, – там, где недавно сгорели три доходных дома. Завалы мы расчистим, разумеется.

Тильда взглянула на план столицы, висящий на стене напротив. Площадь Семи Ветров – оживленное место, солнечное сплетение города. Возможно, те доходные дома «сгорели» не сами – впрочем, кто разберет? Эти дома горят постоянно, потому что строят их на скорую руку и из чего попало.

– Здание – это не только стены, окна и кровля, это еще и то, что здание окружает, – поднялся со своего места Тиам Онхал. – На Долгом холме храм увидит каждый приезжий, а в Бронзовом кольце доминантой является Канцелярия. Храм просто потеряется среди других домов.

– Значит, ваша с госпожой Элберт задача – сделать так, чтобы не потерялся, – жестко ответил сенатор Нирно. – Я верю, у вас это получится.

Тильда хотела возразить, но не стала. Радость от победы померкла, испарилась.

– Я, конечно, очень уважаю главу Градостроительного ведомства, братство, Агорат и вас, сенатор, – господин Риттен кивнул в сторону упомянутых людей, – но не кажется ли вам, что не место, хм... молодой привлекательной женщине на строительной площадке, какой бы умной и талантливой она ни была... Даже несмотря на пример Урсулы Хеден...

– Вас смущает мой возраст? Или моя внешность? Или вы беспокоитесь, что вам придется искать нового мастера-архитектора, если я убьюсь? – Тильда не смогла скрыть насмешливый тон в голосе.

– Я... – Господин Риттен поперхнулся внезапным кашлем. – Нам нужен тот, кто может не только красиво рассказывать, но и делать!

– Нам нужен тот, кому мы сможем доверять, – веско ответил господину Риттену Яков Литт. – Кто не растащит казну вмиг, как только возьмется за строительство. За все пять лет службы под моим началом госпожа Элберт ни разу не дала в себе усомниться.

– Что ж, это мы увидим.

– Обязательно увидите. – Тильда смотрела прямо в выпуклые, налитые кровью глаза старика. – Жаль, что терпение и умение ждать так редко встречаются в мужчинах.

Стук молотка о стол прекратил дальнейшую перепалку.

– Возвращаемся к вопросу места под строительство. Про-

шу согласных поднять руки и проголосовать за площадь Се-
ми Ветров.

Тильда понимала, что участь храма – и ее участь – реше-
ны, но все же порадовалась, что ни Яков Литт, ни отец Гре-
гор, ни мастер Тиам рук не подняли. У нее были союзники.
Поэтому свою подпись она ставила на документах не колеб-
лясь, перо не дрогнуло в руке, ни единой предательской кап-
ли не сорвалось с его кончика.

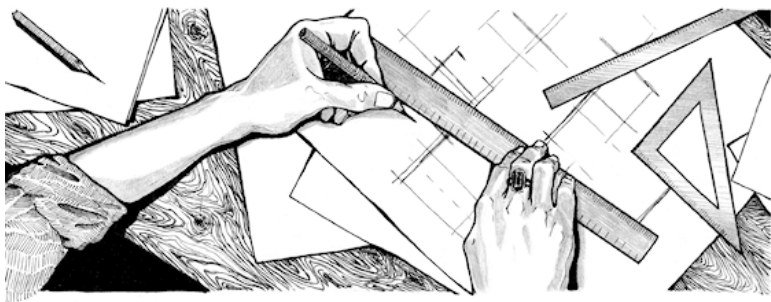
Что ж – она изменит проект, если им угодно, начнет за-
ново.

С чистого листа.

Часть первая

Чертеж

1

Саадар увидел Даррею пасмурным утром конца лета.

Это был огромный город, такой, в каких Саадар никогда до того не бывал. Крыши, крыши громоздились до небес, взбирались друг на друга, наползали и опадали, а надо всем этим торчали башни и шпили – не счесть за раз! «Город тысячи башен» – так и называли столицу Адрийской республики.

А в толпе перед Речными воротами кричали, что Даррея – это город тысячи возможностей:

– Да – торговле с южными островами Архипелага!.. Покупайте акции Южноадрийской торговой компании!..

– Эфф Мирो дает займы под самые низкие проценты! Контора на Шелковичной улице! Эфф Миро...

– Вступайте в адрийскую армию! Адрийская армия – путь к славе и победам! Гарантируем...

– Банк Республики – самый надежный банк в мире!

– Гарольд Арро сразится с медведями пятого дня! Спешите купить места!

– Сенатор Алисия Келлин обещает, что к двести двадцатому году ото дня основания Республики каждый гражданин будет обеспечен крышей над головой! Голосуйте за сенатора Келлин на выборах!..

– Хотя весь город обойдешь – раков лучше не найдешь!..

– Земли западного Рутена должны принадлежать Республике! Сенатор Рон Тарсо призывает...

Саадар не поморщился, даже бровью не повел – сколько уже наслушался таких речей! В громкие слова он, конечно, не верил, но твердо знал, что здесь, в этом муравейнике, какая-нибудь возможность да подвернется тому, кто внимательно смотрит по сторонам.

Поэтому он с любопытством слушал разговоры вокруг.

День как будто не ярмарочный, а народу-то! Телеги и подводы стояли в ряд перед воротами, а торговцы – кто смиренно, кто нет – ждали своей очереди заплатить пошлину. Рядом возмущенно переговаривались двое, им вторили другие го-

лоса. Никто не знал, отчего не пускают через ворота, все друг друга пихали, кричали, кто-то ссорился, кто-то даже вопил, что у него пропадает ценный груз. Какой-то человечек сновал в толпе, продавал обереги в виде мужских членов, Саадар еле от него отвязался.

Пахло речной водой, затхлой сыростью, несло откуда-то гнильем и чем-то сладковатым – как будто мертвечиной. Синие-белые республиканские флаги уныло трепыхались на ветру.

И вдруг откуда-то стройно грянула песня:

Кукушка
Считает годы мне.
Смеется:
Погибнешь на войне!

Но я отвечу:
Вернуться мне домой
Пусть будет трудно.
Но я еще живой!

Саадар смотрел поверх голов, как идут мимо – нога в ногу – солдаты в синих мундирах, как на тонконогих поджарых жеребцах проезжают офицеры. Блестят в кислом свете серого дня начищенные штыки. И вся толпа, которая возилась, шумела, говорила, – вдруг разом смолкла.

Какой это отряд? И куда они отправляются?.. Саадар

смотрел вслед людям, которые могли быть его сослуживцами... Его пихнули в бок:

– Хватит зевать, деревенщина!

Оказывается, отряд давно уже прошел. Саадар пробормотал: «Простите» – и побрел вперед, глядя поверх чьего-то вихрастого затылка.

За воротами открывалась широкая площадь, ровно замощенная хорошо подогнанными каменными плитами и, на удивление, довольно чистая. Саадар одобрительно покачал головой: город явно строили со знанием дела. Улицы широкие – баррикаду не возвести, прямые – сложно скрыться бунтовщикам. Только башни эти несуразные – они для чего? Не воевать же...

Что говорить, хороша столица! Вот и дома – высокие, в четыре, в пять этажей, надо голову задирать, чтобы разглядеть, и все почти – каменные да со стеклами! Цветные ставни, шпили, флаги, фонари, высоченные трубы – чего только нет!.. Сквозь серость проступали яркие пятна дверных косяков, выкрашенных по традиции в синий, желтый и красный цвета.

Да, это не сонный ражад, где он жил в детстве, не маленькие деревушки и селения, где ему приходилось перебиваться случайными заработками, не южные провинции, куда забросила его жизнь вместе с отрядами генерала Оредо, и не выжженные земли Рутена... Здесь улицы были полны прохожими: разносчики сновали туда-сюда, торговали с лотков,

тоненькие девчонки продавали букетики маргариток.

Саадар купил один такой – для сестры. Они не виделись давно: слишком далеко разбросала жизнь всех многочисленных братьев и сестер семьи Мариди, и младшая Джалия оказалась замужем за купцом из столицы.

Где она жила, знал лишь примерно. Найти бы местный отдел Канцелярии... Когда спрашивал у прохожих, ему отвечали – кто-то обстоятельно и охотно, кто-то – недовольно. А многие вообще косились с подозрением и говорили, что сами не знают город.

Наконец какой-то старик указал на приметное здание, похожее на гранитное надгробие.

С помощью чиновника с такой кислой рожей, будто ему под дверь нагадили, Саадар все-таки узнал нужный адрес, хотя и пришлось заплатить приличную мзду.

Недружелюбно встретила его столица. Начинающимся дождем и липким, совсем не летним холодом, от которого ныли кости – в конце концов, он уже не мальчишка.

Саадар досадливо поморщился. Как время-то идет! Оглянуться не успел – вот и срок службы в армии – долгие двадцать пять лет! – подошел к концу, и ему всучили не слишком-то пухлый мешочек с монетами, пару башмаков и теплый плащ, да и отправили восвояси.

Но в родные края Саадар так и не вернулся. Он почти и не помнил пыльную сухую степь и становище, постоянные кочевки, кислое кобылье молоко, заунывные песни. Он не мо-

лился Великому Сунне, не носил на шнурке его Глаз, не отпускал бороды, а вино пил, как и любой воин Республики.

И в столице у него все-таки была сестра.

Порядочно проблуждав и едва не отчаявшись, он нашел улицу, где жила Джалия.

Это был тихий переулок – видно, что живут тут люди состоятельные, не богачи, конечно, но денежку имеют немалую. Дома крепкие, каменные, и дом Джалии – тоже аккуратный, с добрым, чисто выметенным крыльцом. Настоящее семейное гнездышко, усмехнулся про себя Саадар, попомнив дымную, наполненную чадом юрту деда.

В переулке было пусто, да в такую погоду и неудивительно. Только дворняга сидела, вымокшая, под крыльцом, глядя на Саадара печальными глазами. Почему-то ему показалось, что собака эта похожа на него самого.

Он постоял перед дверью, разглядывая тяжелое железное кольцо, и наконец постучал.

Ему долго не открывали, но Саадар слышал, что кто-то там, за дверью, ходит, звучат приглушенные детские голоса и быстрый шепот.

– Я ищу Джалию Мариди! – громко произнес он и еще раз стукнул в дверь. – Я ее брат Саадар!

Дождь усердно поливал внутренний двор за его спиной.

Наверное, съехала отсюда Джалия. Что делать... Саадар разочарованно сплюнул. Вот она, последняя ниточка – и та оборвалась. Жаль, хотелось свидеться да парой слов переки-

нуться...

Но вдруг дверь открылась, и на пороге появилась невысокая крепкая женщина с жесткими рыжеватыми волосами. Одета она была если уж не богато, то очень хорошо – зеленое платье, модное, из тонкой шерсти, кружевной воротник и чепец. Она удивительно походила на Джалию, и Саадар мог поклясться всеми семью безднами, что это сестра. Он улыбнулся так широко и дружелюбно, как только мог, шагнул ей навстречу:

– Джалия! Я так рад!..

Но его остановил тяжелый и суровый взгляд. Саадар мысленно обругал себя, что не привел в приличный вид одежду, потрепанную и грязную после долгой дороги. Ему стало неловко.

– Простите, господин мой, я вас не знаю, – резко произнесла она, но голос выдал ее – чуть дрогнул.

– Вот дела... – Саадар непонимающе уставился на нее. Потом быстро стянул промокшую старую шляпу. – Не признала, что ль, брата? Шрамов, конечно, на роже-то прибавилось за последнее время!..

Взгляд женщины стал хмурым. На пороге позади нее появился мужчина – крепкий и широкоплечий. Саадар смекнул, что не стоит упорствовать:

– Видать, госпожа, ошибся я. Прости, коли так. Сестру вот свою искал.

Думал он, что обрадуется Джалия, сколько лет не виде-

лись, а ведь были дружны, пока она за этого купчину не выскочила, да вот оно как! Не было радости в этой встрече.

– Мы переехали в дом три года назад, – ровно сказала женщина, глядя в пол. Большие красные ладони – совсем как у него самого, а пальцы терзают край вышитого передника. Хорошо живет сестра: и дом каменный, и серьги в ушах – не дешевые побрякушки. Зачем ей такая родня, как он? Бродяга, перекаати-поле.

– Может, знаешь, куда уехала Джалия... Аранто, – Саадар не сразу вспомнил ее имя по мужу.

– Нет. Не знаю.

Грубо и резко сказанные слова заставили Саадара отойти на шаг назад. Потом – еще и еще, пока он не уперся спиной в перила крыльца.

– Еще раз прости за беспокойство, моя госпожа. – Саадар кивнул и, не говоря ничего больше, надел шляпу и вышел из-под навеса под дождь. Там он постоял немного, потом – оставил на перилах букетик маргариток и зашагал в сторону улицы, совершенно не понимая, что происходит. Обида и разочарование царапали изнутри, а на душе было скверно.

Но дождь охладил голову, и Саадар сказал себе: раз не хочет его сестра видеть, значит, так тому и быть! Люди все одинаковы, вот и родная сестра могла «забыть» его. А навязываться к неожиданно разбогатевшей Джалии он не собирался.

Саадар купил у лоточника лепешку с сыром – с утра

ни крошки во рту – и побрел по улице, прикидывая, как теперь быть. Где-то высоко над головой зазвонили колокола.

Эти колокола напомнили ему, что он в Даррее, в столице Республики, городе, куда ведут все дороги. В Городе тысячи башен, тысячи удовольствий и тысячи возможностей. И если мир дал пинок под зад – может, он всего лишь указывает верное направление?..

– Какая неожиданная встреча, госпожа! Вот уж не думал увидеть вас здесь в будний день!

Тильда подняла голову от книги, в чтение которой углубилась. Перечеркивая прямой тенью парковую дорожку, перед ней стоял Дерек Шанно и улыбался.

– Я жду здесь отца Грегора. – Она кивнула в знак приветствия и аккуратно закрыла книгу, заложив между страницами полоску бумаги. – А вы, похоже, праздно проводите время?

Дерек Шанно с еще более широкой улыбкой поклонился: – Что ж, так оно и есть! Прекрасный день для того, чтобы проветрить новую шляпу. Но я забыл: вы не одобряете праздности и веселья.

Он скользнул по обложке взглядом:

– И ваши пристрастия отличаются завидным постоянством.

– Вы хотели сказать – незавидным занудством? – усмехнулась Тильда, убирая «Великую геометрию» Айна Эдни в сумку.

– Держу пари, так вы отпугиваете слишком назойливых ухажеров в вашем скучном ведомстве. Ни за что бы не поверил, что эта... книга, с позволения сказать, интересна кому-то, кроме ее автора.

– Господин Эдни весьма расстроился бы вашей оценке его труда.

– И вы, конечно, доведете эту оценку до его сведения?

– И с удовольствием!

– Только не говорите, что он прячется в кустах. – Дерек начал картинно озираться.

Тильда покачала головой:

– Увы. Я всего лишь жду отца Грегора...

– ...который должен вот-вот притащить сюда свой длинный нос, длинные ноги и длинные скучные беседы. Позвольте составить вам компанию, пока он вас не уморил?..

– Вы полагаете себя более интересным собеседником?.. – Улыбку при взгляде на Дерек Шанно все же сдержать было сложно.

– Я полагаю, что вам требуется компания в этот великолепный день! – Дерек Шанно снова поклонился. – К тому же, цвет вашего платья изумительно гармонирует с цветом моего сюртука.

– Раз так, то пойдемте, мне действительно выпала редкая удача: с серым не сочетается никакой цвет, кроме синего.

Они медленно двинулись по аллее, держась солнечной стороны. Дерек Шанно рассказывал свежие городские новости, но неизбежной темы обсуждения общих знакомых не касался.

Для хорошей, почти летней погоды Морские сады были удивительно пустынными. Впрочем, гуляющие наверняка

выбирали более интересные маршруты – с фонтанами, гротами, статуями и павильонами в тени платанов по берегам прудов. Этот же уголок огромного парка мало кого мог привлечь однообразно тянущимися по обе стороны живой изгороди шпалерами.

Однако скоро их обогнали двое мужчин, бурно обсуждающих предстоящие выборы в Сенат, и церемонно раскланялись с Тильдой. Тильда кивнула им – возможно, то были знакомые, но в последнее время память на лица, а может, и зрение тоже, ее подводили.

– За кого вы будете голосовать? – Дерек Шанно проводил мужчин долгим изучающим взглядом.

– Вам правда интересно? – Тильда обернулась к нему.

– Мне интересно, что вы думаете.

– Я думаю, что голосовать не за кого, но раз мне придется это сделать, то сенатор Келлин...

– Которая обещает снизить арендную плату за жилье в городе и ввести ограничение на строительство выше пятого этажа?... – Дерек Шанно закатил глаза, сделав вид, что изнывает от скуки. Тильда все-таки улыбнулась:

– Это вполне разумные предложения. Для тех, кто хочет здесь жить. Возможно, для вас доходные дома – всего лишь часть пейзажа, но несанкционированное строительство верхних этажей оборачивается убытками для города. И люди гибнут в пожарах. А что думаете вы сами?

Господин Шанно немного помолчал.

– Я долго жил в доходном доме, моя госпожа. Отличный вид сверху, и всегда можно изловить голубя или крысу на ужин, а если повезет – поймать лихорадку и умереть, освободив местечко для других, – невозмутимо заметил он тоном совершенно светским, будто рассказывал какую-нибудь забавную историю.

– Вот как... Я не знала. – Этого смуглого красивого мужчину с гладко выбритым лицом, завитыми кудрями, нахальным прищуром и улыбкой, одетого по моде и со вкусом, сложно было представить в какой-нибудь комнатухе Застенья, делящим жалкий кров с обыкновенными работягами или преступниками. Может, он шутил?

– Это неважно. – Дерек махнул рукой. – Я все равно уезжаю, моя госпожа. В Хардию. Вот так вот – все бросаю и уезжаю! Дела в столице закончены, и ничто не остановит меня от безумного путешествия через океан!

Тоненькая иголочка зависти впиалась в сердце. Когда-то давно другой мужчина вот так же говорил о Хардии, уверяя, что там, за океаном, и есть настоящая жизнь, настоящая наука и настоящее искусство.

Тильда прикрыла глаза. Прошное – в прошлом. Дереку Шанно она ответила, как и обыкновенно, прямо:

– Видимо, все дело в той самой истории с женой сенатора Альети?..

– Смотрю, вы сегодня в ироническом настроении, моя госпожа. Вас что-то тревожит?

– Меня все время что-то тревожит, знаете ли, я все еще мастер-архитектор храма Маллара.

Дерек остановился перед шпалерой и потрогал просунутую сквозь деревянную сетку веточку. Сорвал лист и начал разрывать его на мелкие части. Станный жест – раздумье, волнение?.. Потом вдруг лукаво улыбнулся:

– А вы бросайте своих скучных министров и священников и тоже уезжайте! Вам вредит север. Ну какая здесь жизнь? Скучно. Жить надо так, чтобы днем поспевать работать, а ночью – веселиться на пирушках с друзьями! Вот такую жизнь я пою! Пою ее полноту и красоту, каждое мимолетное мгновение, которое упустить страшно!

В жизни все повторяется дважды – так говорят?..

– Вы счастливчик, – уже без иронии заметила Тильда.

– Но вы бы хотели уехать?..

– С вами?

– Да.

Тильда вдруг поняла – он не шутит. А ведь они всего лишь знакомые, которые иногда встречались на приемах, что устраивались братством зодчих, на диспутах в университете и на ассамблеях.

– Как бы лестно ваше предложение ни было, я не могу бросить здесь семью. И храм.

Улыбка господина Шанно погасла, и он смотрел на нее со странным выражением – не то грусти, не то сожаления.

– Разумеется. Вы печетесь о своем детище, как и всякая

мать. Только... Вы – не как мать, а как мастер – вы считаете его достаточно хорошим?

Тильда замерла: вопрос был неожиданно точным.

– Какое это имеет значение?..

Дерек Шанно развел руками.

– Я не намерен критиковать вашу работу. Но я видел изначальный проект... В нем были вы – я мог представить, что за человек стоит за ним, а сейчас – не могу.

– Возможно, потому что вы никогда меня не знали, – с горькой усмешкой ответила Тильда.

Некоторое время они шли молча, и тень незаконченного разговора волочилась за ними, отягощая собой. Молчание становилось невыносимым, а сказать друг другу было уже нечего – все было сказано этим молчанием. Упреки, и сожаления, и аргументы в неразгоревшемся споре – как все это обыкновенно!..

– Вы ошибаетесь, господин Шанно. Я не художник. Я занимаюсь ремеслом, – все-таки сказала Тильда, скорее себе, чем собеседнику. – Миру нужны не только великие художники. А здания строят не архитекторы, а те, кому хватает денег на возведение купола.

– Раньше вы говорили иначе.

– Это упрек?

– Всего лишь наблюдение. – Дерек Шанно примиряюще улыбнулся, поднимая ладони, показывая, что вступать в спор не собирается. – Я не отец Грегор и не намереваюсь читать

проповеди. О! Вот и он: стоит только вспомнить. Что ж, госпожа, не стану вас отрывать от серьезных дел. А назавтра у меня прощальная пирушка, вы приходите. Кеннит Аро читает свою новую поэму! И будет Сильвия Айн, мне казалось, вам нравятся ее акварели... Она недавно вернулась из О... Отец Грегор, мое почтение, – он поклонился священнику в коричневом длиннополом одеянии.

– Прощайте, господин Шанно. Надеюсь, что в Хардии вы обретете счастье.

«Там ведь совсем нет мздоимства, глупцов и законов, которые поворачиваются той стороной, какой необходимо», – добавила Тильда – уже про себя.

Мужчина махнул ей рукой и зашагал прочь легким упругим шагом с беспечальным видом человека, прогуливающегося по парку в ясный безветренный день.

И на миг – но на какой предательский, неправильный миг! – Тильда пожалела, что не ответила ему «да».

Золотисто-алая нить праздничного шествия медленно тянулась сквозь серость и грязь Города тысячи башен.

Лил дождь.

Дорога к площади Справедливости казалась Тильде бесконечной. Вместе с другими представителями ремесленных братств она шла во главе процессии, рядом шагали художники, камнерезы и скульпторы.

Куртка вымокла насквозь, даже широкополая шляпа почти не спасала от потоков воды. Тильда только думала раздраженно, что шляпа эта стоила немало, а теперь она еще и безнадежно потеряла весь свой нарядный вид. Скорее бы процессия достигла площади, и все закончилось! Подогретое вино, сухое платье и тепло камина – вот и все, что сейчас ей нужно.

Перед Тильдой шагали служители Многоликого – с выбритыми головами, в коричневых, подвязанных оранжевыми поясами балахонах; они несли связки колокольцев, встряхивая их при каждом шаге. Это придавало шествию торжественность, но почему-то усыпляло.

Где-то позади трубы выводили бодрую мелодию, им вторили барабаны. Сразу за музыкантами шли богатые купцы-найрэ в расшитых жилетах и коротких плащах, за ними – ниархи в своих тяжелых и сложных многослойных церемо-

ниальных одеяниях алого и золотого цветов, потом – вся Золотая Сотня: сенаторы, послы, магистры. Замыкали шествие гвардейцы, и за ними уже двигались остальные. И вся эта процессия, как огромная змея, извиваясь, ползла по серым улицам под проливным дождем, и ее хвост был еще далеко, где-то у канала Пекарей.

Уныло мокли флажки и гирлянды из лавра и роз.

– Погода в этом году просто ужасная, – вдруг обратился к Тильде незнакомый паренек в берете братства художников. – Дозволено ли мне будет поинтересоваться...

В его густых курчавых волосах блестели, как прозрачный бисер, капли дождя, вода стекала по смуглому лицу и заливалась за белоснежный воротник, хотя вряд ли паренек обращал на это внимание. Не умолкая, он рассуждал о художниках, о выставках, о модных книгах и новых постановках. «Вы читали «Летние ночи» Гарольда Конни? Говорят, сам Ла Ваэно будет ставить пьесу, и непременно с Мирой Танно в главной роли...» Он говорил о сотне вещей сразу, и Тильда только вежливо кивала в ответ. В конце речи юноша выразил восхищение ее работой.

– Надеюсь, ты не докучаешь госпоже Элберт разговорами об отвратительной погоде. – С ними поравнялся высокий седовласый мужчина в сюртуке зеленого бархата. – Марек – невыносимый болтун.

Тильда приветственно кивнула Тиаму Онхалу. Он выглядел нездоровым, очень усталым, на впалых щеках – лихора-

дочно-яркий румянец. Время идет, думала Тильда. Слишком быстро идет. Могучий некогда, Тиам Онхал стал тенью самого себя. Да, ведь уже и седьмой десяток разменял... А она его помнила неутомимым в работе и неукротимым в буйных развлечениях. Когда он писал «Гибель „Южной звезды“», то даже обрился налысо, чтобы не было соблазна пойти на очередную гулянку...

Теперь они шли рядом; дождь щедро поливал их, заглушая позади разговоры и смех, музыку и песни.

– Марек показался мне весьма вежливым и приятным в беседе юношей. Он хорошо знает литературу... И, кажется, горячо увлечен своим делом.

– А вот это верно. – Мастер Онхал склонил голову в знак согласия. – Лучшего ученика нельзя и пожелать.

Его слова прозвучали затаенным упреком: Тильда ученика все еще не нашла.

Некоторое время они шагали молча. В веселой, наполненной песнями и шутками толпе Тильда ощущала себя неудобно.

Тиам Онхал снова заговорил – слова ему явно давались с трудом:

– Знаешь, Урсула была бы рада.

Он не уточнял, чему, но оба знали – наставница Тильды, Урсула Хеден, умерла лишь незадолго до того дня, когда Тильда выиграла конкурс на проект храма Маллара Многоликого.

– И Маллар будет доволен, – заключил мастер Тиам.

– Лишь бы людям нравилось, – сдержанно ответила Тильда. – Но до окончания строительства еще так далеко...

Тиам Онхал мягко, но укоризненно улыбнулся – он всегда верил в предопределение и судьбу, верил в волю Многоликого.

– И ты, и я – все мы Кисти в руках Созидающего.

Тильда обернулась к нему.

– Поэтому ты изваял статуи для храма?

– Поэтому, – кивнул художник. Резкие черты на миг указали боль.

– Ты в порядке? – Тильда придержала его за локоть, испугавшись, что Тиаму станет плохо посреди этой толпы. Но художник улыбнулся ободряюще:

– О да. Все хорошо, моя госпожа. Нет ничего более благородного... – произнес он, задумавшись, но через пару мгновений добавил уже обыденным тоном: – Сорок лет прошло с тех пор, как я тут живу, а каким стал город!.. В этом – и твоя заслуга, моя госпожа.

Тильда кивнула – но без улыбки. Улицы города, пересекающиеся под прямыми углами, были для нее как решетка, как воплощение бездушного порядка, как символ страшного многоглазого и многорукого бюрократического чудовища, правящего Дарреей и Республикой со всеми ее провинциями и колониями.

Она же хотела видеть Даррею иной. Как в сочинениях ве-

ликого Фредегара Норта о Городе-саде – цветущей и прекрасной.

Сам собой разговор сошел на нет. Тильда, мастер Онхал и его ученик шагали молча. Тильда думала о ритуале, который предстоит совершить Тиаму. Старый мастер выглядел подавленным, и чем ближе они подходили к площади, тем сильнее он волновался.

– Ты... прости, что спрашиваю, но ты – готов? Выглядишь не очень хорошо.

Мастер помолчал. Тильда видела, как напряглась шея, как дрогнули губы.

– Нет. Не готов. Три года! Три года. Это моя лучшая работа.

Он дернул воротник, словно душивший его.

Ритуал – честь, но ни один творец не заслуживает того, чтобы собственными руками уничтожить свое творение.

В это время процессия достигла наконец цели. Полукруглую площадь с одной стороны обнимала мощная двойная колоннада Канцелярии. Чудовище, воплощенное в этом здании, царствовало над крышами, сквозь серость тускло блестел его тяжелый золоченый купол. Никуда вы не денетесь от меня, напоминало оно. Я – господин. Вы не вырветесь из моих объятий.

На площади на специальном возвышении стояли мраморные воплощения Многоликого – каждое в человеческий рост.

Маллар Созидающий держал кисть и мастерок: «Будь творцом; ибо творцу открыты золотые мгновения вечности».

Маллар Воздающий заносил над головой меч: «И воздам я вору, убийце, лгуну. И воздаяние будет страшно».

Маллар Судящий клал на весы перо и камень: «Разделяю я черное и белое, благое и дурное. Но остерегайтесь судить слепо либо не судите вовсе».

Маллар Прощающий протягивал руки ладонями вверх: «Лишь сердце прощающего искренне и открыто небу».

И лишь тот, кому предстояло стать Безликим, угрюмо, с вызовом взирал на Созидающего.

Служители Многоликого остановились напротив статуй, и музыка смолкла, только стучал по камням дождь. Желтые и оранжевые пояса священников яркими пятнами выделялись на фоне светло-серых стен.

Наконец все участники шествия разместились на заранее отведенных местах, обступив статуи.

Верховный служитель Идринн подошел к Безликому и коснулся пальцами невидящих мраморных глаз. Его голос, звучный и сильный, разнесся по площади, над примолкшими мастерами и торговцами, сенаторами и гвардейцами, над мальчишками, над зеваками, чьи головы торчали в окнах окружающих площадь домов.

– Эти изваяния установят в храме Многоликого, когда храм будет закончен. Вознесем хвалу Многоликому – Созидающему Маллару.

Словно по волшебству – а может, так оно и было – где-то в вышине, на башне Канцелярии, зазвонили колокола. Обычно их звук возвещал наступление полудня, но сейчас он медленно плыл и таял над притихшей толпой. Как и все, Тильда почтительно склонила голову, но рассматривала собственные башмаки и темную брусчатку под ногами. Слова молитвы, соответствующие случаю, она повторяла с опозданием.

– Господин Онхал! Войдите в круг, прошу.

Краска мгновенно схлынула с лица мастера Тиамы, он покачнулся, и ему пришлось опереться о руки Марека и Тильды, чтобы не упасть.

– Я... я не смогу, – проговорил он побледневшими губами, держась за грудь. – Сделай это вместо меня. – Мастер Тиам вцепился в рукав Тильды. – Ты достойна. Сделай. Прощу.

Тильда непонимающе посмотрела на него. Ритуал следовало выполнять тому, кто изваял статую Безликого.

Татор Идринн замер в ожидании, и в ожидании застыла вся площадь. Остолбеневший Марек смотрел на Тильду широко распахнутыми глазами, не понимая.

Ей хотелось встряхнуть парня, залепить пощечину – чтобы очнулся и хоть что-то сделал!

– Не видишь – ему плохо? – Тильда дернула Марека за рукав так, что он едва не упал. – Отведи его куда-нибудь, где потише, и поищи лекаря. Ну! – Тот поспешно закивал, поддерживая учителя, стал пробиваться к одной из улиц, отходящих от площади лучами.

На нее неотвязно смотрело множество любопытных и удивленных глаз. Когти тревоги вцепились в сердце – она оглянулась на Тиама, но их с Марекком скрыла толпа.

Поднимаясь по ступеням, Тильда оглянулась – лица пре-
вращались в светлые пятна – чем дальше, тем более размы-
тыми они казались.

Его Святейшество сразу все понял.

– Лишь во тьме виден свет, – нараспев, торжественно начал верховный служитель Идринн. – Лишь свет рождает тень. Как Многоликий, так и Безликий нужны нам, дабы баланс был соблюден. Но Безликий не имеет лица, ибо темное и злое лиц иметь не должно. Окажите нам честь, госпожа Элберт, – он протянул ей старинный шестопер, – закончите ритуал.

Тильда приняла из его рук оружие, очень тяжелое и холодное, от которого мороз шел по коже и рука будто леденела, срастаясь с полированной рукоятью. Древняя легенда: Созидающий лишает Безликого лица – повторялась уже как ритуал, который неукоснительно соблюдался при возведении любого храма. Сердце вдруг забилося очень быстро. В эту скульптуру было вложено много труда – и души.

Вспышка, воспоминание юности: мастерская Урсулы Хеден, и Адриан, ее сын, размахиваясь кувалдой, разбивает статую прекрасной Лиины, олицетворяющей Юность, ту, для которой Тильда послужила моделью. Он бьет, пока на полу не остаются бесформенные куски мрамора, потом

оборачивается к ней, застывшей на пороге... у него страшное лицо. Такое же, как у Безликого. Гордое. Непокорное. Лицо человека, потерявшего радость жизни.

Неужели...

Нет, это всего лишь дурное совпадение, не более, ведь Тиам Онхал и Адриан Хеден не были знакомы. Это всего случайность, всего лишь неканоничное изображение Безликого – слишком живое, будто, мраморный, он способен дышать, видеть, чувствовать боль.

Черный мрамор блестел от дождя. Застывший в камне, опутанный веревками Безликий с вызовом смотрел на Маллара, молчаливо вопрошая его: «За что?» Звуки пропадали в загустевшем воздухе. Тильда оглянулась на Тиаму и в его взгляде прочла ответ на невысказанный вопрос.

– Прости меня, – шепнула она и размахнулась шестопером. И даже не зажмурилась.

Осколки мрамора брызнули во все стороны. Никто не двинулся, все смотрели, как будто видели впервые эту захватывающе-жуткую картину. Тильда еще раз занесла оружие для удара, и бог наконец стал Безликим.

Арон сидел на бухте каната, закрыв глаза, и слушал, как плещет о борт вода, как мерно взмахивают, опускаются и поднимаются весла под ритм барабана. Этот плеск, удары о воду под дружное «раз, два, три!» усыпляли. Но если закрыть глаза...

...если закрыть глаза и прислушаться – то где-то далеко слышен рокот приближающегося шторма. Хлопают паруса, и скрипит рангоут, и гремит топот множества ног вокруг. Корабельные пушки дают залп, другой, третий – это не гром вдалеке, это канонада вражеских орудий. И под ногами не палуба баржи, каких много ходит по Рэо к морю и обратно, а палуба настоящего военного корабля – с тремя высоченными мачтами, с желтоватыми парусами, сверкающего на солнце медью, как золотом.

А на горизонте – скалистый берег, поросший пальмами, и форт, и...

– Даррея! – чей-то грубый окрик окатил Арона холодной водой. Арон заморгал, завертел головой, потом подскочил, прижавшись к борту, и наконец увидел сквозь туман очертания города впереди по реке. Вздохнул – и мысленно насовсем попрощался с великолепным летом, проведенным в доме дядюшки Юджина. Летом, вмещавшим в себя все: огромный сад с персиками и абрикосами, маленьких ящериц, мор-

ское побережье и скалы, залитые солнцем виноградники, поиски пиратских сокровищ в пещерах, длинные дни и короткие ночи.

Это несправедливо, это ужасно несправедливо – возвращаться в Даррею! К скучным урокам, конца-краю которым нет, к скучному городу, где и шагу без разрешения не ступить. Все пятидневье, которое он плыл домой, Арон надеялся, что баржа где-нибудь перевернется или про него забудут, но капитан – дядин приятель, и следит в оба глаза, чтобы Арон никуда не делся.

Даррея все маячила впереди, и Арон смотрел на ее шпили с палубы не отрываясь, пытался сосчитать их. Кто сосчитает до тысячи – у того исполнится заветное желание. Но в этот раз Арон насчитал только сорок один, когда вдруг Даррея надвинулась – и раз! – они плывут мимо складов, кузниц, мастерских. Все закопченное, рыже-черное, всюду дым, искры, в горнах и печах огонь, на лодках вокруг – народу!.. Стало слишком тесно даже для небольшой баржи, что уж говорить о других, огромных, тяжело груженных!.. И все вокруг кричат, торгуются, ругаются, даже дерутся.

Арон засмотрелся на одну из таких драк: двое сцепились прямо в лодке, мутузили друг друга кулаками, хрипели и выкрикивали что-то неразборчивое. Зеваки уже тут как тут: им только подавай зрелище. А дело-то всего лишь в нескольких мерах зерна. Дерущихся подбадривали криками, кто-то уже ставил деньги на победителя схватки, когда мимо про-

шла огромная баржа, и от волны легкая лодка качнулась – и перевернулась.

Так бесславно закончилась драка, и Арону было даже жаль тех двоих.

На причале Восточного порта его уже поджидал старик Эрин. В толпе Эрина заметишь сразу – он высокий, волосы белые, а лицо – коричневое. Вот увидел Эрина – и понял, что скучал и по старику, и по маме! Хотя мама-то вряд ли скучала, ей некогда.

– Господин Арон! Господин!.. – Эрин даже не кричит, но все оборачиваются на его зычный голос. Он подхватывает сумки с вещами, находит носильщика, платит за то, чтобы доставил сундук, потом внимательно смотрит Арону в глаза.

– Вы стали выше. И похудели.

Арон улыбнулся: на два пальца за лето вырос! Штаны уже короткие, да и рукава куртки тоже.

Но кроме этого есть кое-что еще, в чем он изменился за летние месяцы. Кое-что, что горит в нем, бьется, рвется наружу. Арон держит это в себе, как сокровище, и оттого не может сдержать улыбку – и дрожь: а стоит ли рассказывать об этом маме?.. Поймет ли она?

Арон почти не смотрит на всю красоту по сторонам – на-смотрелся! И на золоченые ограды в Жемчужном кольце, и на статуи конных рыцарей – мама заставляла учить историю, и он знал, что вон та – это император Квентин, который правил шестьдесят лет и присвоил территории до самых гор

Кедраша. А те двое – сенаторы Гидеон и Нойрид, они остановили кровавую гражданскую войну. Вот еще одна – девушка льет воду из кувшина, и юноша пьет из горсти эту воду. Похожих по городу много. Это вроде как городская легенда: Рей Абр основал город на месте, где ему та девушка то ли привиделась, то ли на самом деле давала испить воды.

Арон бросает в чашу фонтана мелкую монетку – на удачу. А проходя через ворота в Жемчужное кольцо, по привычке трет блестящий нос левому грифону.

Дома все знакомое, привычное. Ничего не изменилось за лето, только, кажется, не хватает пары картин в столовой. Арон и вспомнить не мог – а были эти картины? Что они изображали?..

Его сразу же отправили в купальню, где Эрин до обидного больно натер ему уши и шею мылом, и теперь Арон сидел в столовой, кутаясь в толстый мамин халат, и пил теплое молоко с медом. От халата сонно пахло какими-то травами, которые Мэй кладет в мамины сундуки с одеждой.

Он сидел так и смотрел в окно, пока сумерки не заползли в комнату и Эрин не пошел зажигать фонарь над входом, а за забором не засветились огоньки. Арон начал дремать, глаза закрывались, а голова становилась тяжелой – но он ждал, так терпеливо, как никогда. И когда почти уснул за столом, твердые шаги смяли тишину. На плечо легла рука, и запахло дождем, миндалем, краской, каменной крошкой, отчего защекотало в носу. Арон поднял голову и увидел маму.

– Я рада, что ты добрался благополучно, – ее голос был таким же спокойным, как и всегда, но в нем действительно звучала радость. – Как себя чувствует дядя Юджин?

Глупые, неважные вопросы! За лето мама совсем не изменилась – волосы так же собраны сзади, та же синяя куртка с медными пуговицами, то же выражение лица – и не понимает, не видит главного: что он, Арон, теперь другой!

– Хорошо. Он просил передать братский поцелуй. – Арон хитро улыбнулся.

– Ах, вот как.

Она быстро наклонилась к нему – и Арон коснулся губами ее щеки. И замер, видя улыбку в уголках всегда строго сжатых губ.

Не перебивая, она слушала о рыбной ловле и лодках, уходящих в море ранними утрами, об апельсиновых деревьях и дядином доме, в котором так хорошо играть в прятки, о городе Ларте, где все пахнет смолой, рыбой и солью. Когда-то, когда мама была маленькой, она жила там. Хотя представить это Арон совсем не мог. Чтобы мама бегала наперегонки с дядей Юджином? Плавала в море? Собирала ракушки? Рисовала на берегу чаек?.. Арон расхохотался бы в лицо тому, кто такое скажет.

Стало совсем темно. Только одна свеча горит на столе, и дом сделался еще больше, он превратился в настоящего великана, в утробе которого водятся мыши и тайны.

У Арона еще не закончились истории, и спать ему совсем

расхотелось, но мама встала из-за стола:

– А теперь – в кровать, уже поздно, – с этими словами мир начал медленно возвращаться на свое законное место, где она – прежде всего мастер-архитектор, а Арон – всего лишь школяр.

Он кивнул и устало поплелся наверх, волоча халат на манер мантии, и дорога казалась бесконечной – как будто он лез в гору. И решил, что ничего он не скажет, будет молчать, пока... А там он точно придумает, как быть. Мысли роились в голове – одна завлекательнее другой, возможности множились и разрастались, все – великолепные, блестящие, и велики они его вперед и вверх – к славе, богатству, далеким странам и загадкам, разгадать которые способен лишь он один.

Мама проводила его до спальни и остановилась на пороге.

– У меня есть для тебя подарок, – сказала она.

Арон так и подскочил!

На кровати лежит большой сверток, и Арон несется к нему, разворачивает – и мороз по коже, и мурашки, и пальцы трясутся и холодеют. Его герой, великий генерал Тоймар, победивший Последнего императора, сделанный из дерева, отполированный и раскрашенный – как настоящий! И кольчуга, и доспехи, и даже морщины на лице! А руки и ноги двигаются, и в одной руке меч, а в другой баклер. Арон стоит, раскрыв рот. Мама иногда дарит ему книги, так редко – игрушки! Потом все же вспоминает, что нужно быть вежливым:

– Спасибо.

Мама улыбнулась – уже по-настоящему, широко. Ведь это она сама сделала – вырезала из дерева и раскрасила.

И вдруг Арона будто что-то подтолкнуло, прямо в грудь пихнуло: скажи!

– Мама, я... я волшебник, кажется. – И тут же Арон зажал ладонью рот.

Что-то росло-росло внутри, увеличилось до размеров комнаты, целого города и огромного дождливого мира. А мама внимательно смотрела ему в лицо и молчала. И от этого молчания острая обида уколола больно и резко. Арон тоже молча поднимает руку – и крохотный огонек вспыхивает на ладони, горит, трепещет, несколько мгновений и гаснет.

Мама глубоко вздохнула, и глаза у нее стали огромные и черные. Не удивленные и не злые, но очень грустные. И Арон вдруг горько пожалел о том, что сказал: она же совсем не понимает! И не поймет.

– Я бы не возлагала на это надежды, – сказала она. – В твоём возрасте магия может появиться и пропасть.

Арон заморгал. Его как за шкурку схватили и ткнули лицом в навозную кучу. С силой, от души ткнули. Он сглотнул, чувствуя, как щиплют глаза слезы.

– А если это по-настоящему?..

Мамин голос был спокойным, как и всегда.

– Если это по-настоящему, то Маллар благоволит тебе. И хочет, чтобы ты служил ему.

Она сделала какое-то странное, резкое движение, будто хотела обнять. Но не обняла. Только пожелала спокойной ночи, пообещав, что поговорит утром со служителем Многоликого, и ушла, унося с собой свои сложные взрослые заботы. С досады Арон пнул ножку кровати, но только больно, до слез, ушиб палец.

Смысл сказанных мамой слов медленно доходил до него: его отправят учиться в орден Служения или Исцеления, обязательно отправят, если посчитают, что силы у него достаточно для служения Многоликому.

И от этого Арон пнул ножку кровати еще раз, посильнее, так, что от боли зарычал на себя и собственную глупость.

Деревянный генерал смотрел на него мудро и понимающе. Уж он-то точно знал, что такое поражение, но все равно никогда не сдавался.

Утром с реки приползла серая хмарь. Даррея, утопленная в прокисшем молоке тумана, была сумрачна и неприглядна. Куталась в этот туман, как старая потаскуха в драную шаль, прятала морщинистое лицо в его складки.

С самого утра Саадар стоял в длиннейшей очереди в Военное ведомство Канцелярии. Сырость пробиралась под старый мундир, и Саадар думал об общественных купальнях, здание которых – на четыре квартала ниже, у желтоводной Рэо. В уме он прикидывал, во сколько ему обойдется посещение купален, и по всему выходило, что недешево – это же куском мыла и мочалкой запасись, бельишко в стирку отдай, да чтобы за вещами кто присмотрел... Но армия приучила его к порядку. Слишком хорошо приучила – попробуй выбить эту привычку! Ведь привычка эта спасла ему жизнь, и не раз.

Люди в очереди – по большей части такие же ветераны. Кто за пенсией стоит, кто – точно так же, как и Саадар, надеется найти себе дело. Разговаривали негромко и вяло. Некоторые из солдат опирались на костыли. У одного все лицо было перекроено осколками пушечного ядра.

Оказалось, этот, с перекроенным лицом, служил с Саадаром в одном полку и хорошо помнил командарма Торгена. Они с Саадаром немного поговорили, вспоминая сражения

под Мьетенем и у Берани.

– В столице я по делам, – говорил новый знакомец Саадара. У него была странная речь: очень громкая, а окончания слов он глотал. Глухой, похоже. Или почти глухой... – Мне земля положена, а эти гады все зажимают и дело тянут. Каждый день сюда хожу, а толку?.. Супружница бранится на чем свет стоит...

– А я бы вернулся в армию. – Саадар посмотрел в сторону статуи Последнего императора на площади перед ведомством. Бронзовый воин дыбил огромного коня, застывшего в вечном движении вперед, на врагов Империи. Империи уже два века с гаком как нет, а императору ничего – стоит, и как его только на переплавку не пустили... И арка Победы за ним.

В армии было проще. И понятнее. Но бывшие сослуживцы говорили, мол, в Даррее всегда найдется работа для такого, как Саадар – для отставного вояки, который всю жизнь только и делал, что убивал и калечил врагов. И он мог бы и дальше, только вот незадача – ветераны вроде него уже и не нужны особо, молодых да горячих полно. Кто же не захочет верно служить Республике?..

А такие, как этот вот с уродливым лицом, едва способный членораздельно говорить, или те, без ног и рук, – кто? Огрызки. Огарки.

К середине дня очередь дошла до Саадара.

Взмыленный лысеющий человек, чиновник ведомства,

глянул на Саадара равнодушно поверх стопок бумаги, папок, сломанных перьев, тяжелых томов Устава, помял бумаги в пухлой руке:

– Саадар Мариди... Мариди... Из Домара?

Саадар кивнул.

– Ничего. У нас ничего нет. Заходи через пару дней. А лучше – на следующем пятидневье.

Саадар разочарованно вздохнул. Конечно, не надеялся он попасть в личную охрану сенатору, но был уверен, что в городском охранении ему обрадуются. Но смолчал, видя, как раздражается чиновник, какой у него злой и затасканный вид.

Саадар вышел из ворот ведомства и побрел вдоль глухой кирпичной стены. Завернуть в купальни? Может, хоть вид поприличнее будет, да, правда, ненадолго...

А улицы города заманивали, кружили, запутывали. Бесчисленные лавки, лавочки и лавчонки, настырные менялы, купчины, торговцы всем, что только можно представить... Старые, обросшие мхом дома, где-то – поновее, где-то – совсем развалившиеся от древности, тесные проулки, вонь и грязь, бочки с гнилой водой – якобы на случай пожара, но на деле для того, чтобы выкидывать туда тухлятину. Босоногие ребятишки, снующие где попало, весело пускающие кораблики в многочисленных лужах. Крик, гвалт, возня, суета. Словом, город.

Саадару хотелось проклясть его.

Не привык он к городской жизни, и казалось – вовсе никогда и не привыкнет.

Три пятидневья прошло, как он в столице, и деньги почти все вышли, а работы все не найти.

«Охранник? Нет, не нужен». «У нас есть вышибала». «Пошел к катропу, давай, вали-вали отсюда!» И это он слышал в каждой таверне, в каждом богатом доме, в каждой конторе. Вот и в ведомстве ничего не сказали.

Но Саадар не унывал – он был уверен, что удача, рыжая лиса Ретта, все-таки повернется к нему хитрой усмехающейся мордой.

И она повернулась.

На лысом пяточке у какого-то моста Саадар натолкнулся на толпу сплошь из бородатых мрачных мужиков, одетых так же бедно, как и он сам. Кто-то был с оружием, другие – с кирками, топорами или пилами. Все как будто ждали чего-то.

Саадару стало интересно.

– Чего тут такое? – Он тронул за плечо одного из стоящих. Тот обернулся, глянул исподлобья, но ответил:

– Работы ждем.

– Какой?

– Какая будет, такой и ждем.

Оказалось, что это место, где собирались в надежде на удачу все, кто искал себе работу. Сюда же приходили те, кому работники были нужны. Саадар, немного подумав,

присоединился к этим голодным людям, разделив с ними томительное, мрачное ожидание. Тут были крестьяне, каменисты, рудокопы, бывшие подмастерья, странный люд с побережья... Оглядывали друг друга угрюмо, ревниво. Мимо проходили люди, иногда кто-нибудь останавливался – короткий разговор, и один из мужиков шел следом. Их забирали на день или два: в дубильни, или на рыбный рынок, или в чей-нибудь дом помогать по хозяйству.

– Эй, вы! Каменщики тут есть? – выкрикнул появившийся из тумана человек в темной одежде. Трое мужчин сразу же подняли руки.

– Всего трое? – Наниматель недовольно поморщился, оглядывая остальных. – Ладно, давайте, вам на площадь Семи Ветров. К храму Маллара.

Те пошептались меж собой, явно споря, но потом – согласно закивали и пошли за человеком в темном.

Где-то высоко над головой глухо пробил колокол. Почти вечер. Ждать? Уйдешь – и, может, пропадет шанс, а будешь стоять – шанс и не появится вовсе. Саадар поскреб заросший подбородок, потом обернулся к какому-то старикашке:

– Где это – площадь Семи Ветров?

Старик неопределенно махнул в сторону одной из улиц.

Саадар прошел мимо лавок, где продавали бумагу и перья, мимо лавок с оружием – туда бы он заглянул с удовольствием, да толку от того, что заглянет, денег-то все равно нет, мимо лотков с овощами и фруктами, свернул в какой-то уз-

кий и извилистый, как кишка, проулок и выбрался на широкую улицу, по которой неспешно текла толпа. Она разбивалась, редела у огромных кованых ворот, а за ними – зелень, белые стены, позолота шпилей, флаги... А перед воротами открывалась площадь, и огромный недостроенный храм торчал там, как кусок сахара.

Саадар видел такие в порту, но там они были меньше и проще.

Крики, разговоры, стук молотков и визг пил. Пахнет свежим деревом и известью. Рабочие суетятся возле чанов с раствором, тащат вверх по наклонному настилу глыбы камня, укладывают ровно и аккуратно на стены... Сколько же здесь людей!.. И ведь охрана наверняка нужна! Саадар усмехнулся про себя.

– Скажи, приятель, где тут главный? – остановил он какого-то паренька. Тот мотнул головой в сторону:

– Мастер Элберт там. – Хихикнул и пошел прочь, продолжая давиться непонятным смешком. Все же странные они, эти столичные, что ни говори. Саадар пожал плечами и зашагал куда указали.

– Мастер Каффи, это ваши обязанности, – издали услышал он низкий, перекрывающий шум вокруг голос. – А если вы не способны исполнять их сами, то найдите того, кто способен. Третий раз за пятидневье! Возможно, мне стоит взыскать с вас ту сумму, которую потребует братство каменщиков. Как вы считаете?

Другой голос ответил что-то неразборчиво и резко.

Саадар подался на эти голоса, обошел сложенные штабелем доски. У стены стояли двое – мужчина и высокая женщина – и спорили. Угораздило же его так не вовремя сунуться! С кем теперь говорить – всем не до того: наверху болтались обрывки тросов, а на земле, наполовину впечатавшись в жидкую грязь, лежала здоровенная балка.

Саадар стоял и слушал, как они обсуждают чьи-то раздробленные пальцы, сломанную руку и ненадежные блоки и тросы.

– Тебе тут чего? – наконец заметил его важный с виду здоровяк.

– Главный нужен.

– Катись отсюда, не до тебя сейчас...

– Мастер Каффи, – осадила его женщина, – пусть скажет, чего хотел. – Ну? – Она обернулась к Саадару. – Говори. Я здесь мастер-архитектор.

Знал, конечно, Саадар, что в столице чего только не увидишь, но чтоб огромной стройкой женщина заправляла – такого он не встречал. Но виду, что удивился, не подал – тут у людей свои порядки, чего пришлому в эти порядки лезть?.. Да и лицо у госпожи было такое, словно она пошлет далеко и прямой дорогой, – наглухо застегнутое, неприветливое.

Саадар откашлялся.

– Звать меня Саадар, госпожа. Работу ищу.

– И что же ты умеешь делать, Саадар? – Женщина сощурилась, и морщинки собрались вокруг темных глаз.

– Я с оружием управляться умею. И еще я в шахтах Домара работал, видишь? Клеймо. – Саадар задрал рукав и показал татуировку на предплечье: кирку. – Крепеж ставил. Стройка добрая, дай, думаю, попытаю счастья, авось, пригожусь.

– И зачем ты мне? У меня своих людей много, – резонно заметила госпожа, но взгляд на нем все же задержала – будто оценивала, сможет ли ей пригодиться немолодой, но высокий и крепкий мужчина с военной выправкой.

– Так еще одни руки разве будут лишними?..

Женщина не ответила. Обернулась к здоровяку:

– Мастер Каффи, идите уже. И давайте сюда людей, чтобы они эту балку вытащили.

Мастер кисло улыбнулся, кивнул и пошел прочь.

На раздумья у Саадара времени не было – он кинул в сторону мешок с пожитками, взялся за балку с одного края, и чмокнула липкая жижа, выпуская добычу. Саадар поднял ее, будто не было веса в этом куске дерева, будто это обычное полено.

– Ну неси уж, раз взялся. – Женщина смотрела невозмутимо, не меняя выражения лица. – Вон туда, – она указала куда-то в сторону.

В этот миг к нему подскочили двое крепких парней, попытались подхватить балку с другого конца, и Саадар не удержался.

жал ее – руки соскользнули. Балка одним концом плюхнулась обратно в мягкую грязь, и брызги окатили всех, кто стоял рядом.

– Твою!.. – Саадар проглотил ругательство. – Чего под руку полезли? Сам бы и справился.

Мельком взглянул в сторону госпожи. Она все с тем же выражением лица смотрела прямо на него. Ее куртка, штаны, шляпа и лицо – все стало бурым.

– Я... э... ты прости, госпожа, что одежду попачкал, – проговорил он сдавленно, воображая, каких слов сейчас наслушается. Это только наемницам плевать, в какое дерьмо лезть – лишь бы платили исправно, а городские – дело иное.

– Извинился? Отлично. – Женщина достала откуда-то платок. – Ну и чего встали? Несите эту катропову балку куда следует, нечего по сторонам глазеть.

Она стала оттирать – не особенно удачно – грязь с лица. И Саадару ужасно захотелось в этой луже взять да и потопнуть.

Двое попытались поднять балку.

– А ты чего стоишь? Иди, помогай.

– А я...

– А ты вроде работу искал? Ну так иди работай.

Саадар ушам не поверил. Его взяли? Вот так просто? Да еще и после того, как...

Но госпожа злой или раздраженной не выглядела. Скорее – усталой.

– Видел высокого мужчину, с которым я говорила? Это мастер Каффи. Спросишь у него потом, что дальше делать. Пусть определит тебя, куда посчитает нужным. Плата небольшая, зато обед и пиво за счет казны. Надеюсь, впредь обойдешься без детских выходок? – с этими словами женщина повернулась и пошла прочь широким шагом.

Саадар видел, как она останавливается по дороге, разговаривает с каменотесами, отдает какие-то указания, вот они склоняются над необработанной глыбой камня, и госпожа недовольно качает головой. Потом выпрямляется, замирает, словно почувствовав, что он смотрит, но не оборачивается и идет к своему навесу, где ее ждут какие-то люди.

– Это еще че, – похлопал Саадара кто-то по плечу. – И не такое тут увидишь. Будем знакомы – Барт!

Саадар улыбнулся подошедшему парню.

– Саадар.

Обстоятельства складывались весьма удачно.

Даррея приняла его.

В тот день Тильда возвращалась домой позже обыкновенного.

Она по привычке обернулась на внушительные стены храма, серые в сумерках, на его мощный гранитный хребет с выступающими ребрами колонн. Храм Маллара Многоликого дремал под морозящим дождем, и суетная рабочая жизнь медленно затихала в нем до следующего утра.

Тильда поджала губы. Строгие сдержанные линии ее рисунков стали зданием громоздким, неуклюжим и больше похожим на Канцелярию, чем на место, где каждый человек сможет почувствовать себя ближе к богу. Несомненно, храм будет красив, ведь она и другие мастера так стараются ради этого!.. Он будет белым цветком – среди шума и грязи столицы.

Но это – потом. Через десять, двадцать лет. Сейчас же заботиться стоит о том, чтобы вовремя поставляли камень для строительства, а каменщики и резчики правильно его обрабатывали, чтобы соблюдалась нужная толщина стен, не было никаких расхождений с расчетами – иначе арки рухнут, стены не выдержат нагрузки.

Эти заботы поглощали Тильду уже семь лет. И даже сейчас, когда кипучая суетная жизнь Дарреи подхватила ее и понесла вперед, она мыслями возвращалась к храму Многоли-

кого. И если бы Тильда не знала город так хорошо, то непременно бы заблудилась в узких и широких улицах Жемчужного и Бронзового колец и оказалась бы в путаных, кривых переулках Застенья.

Но это был ее город.

Он скромно прятался в планах и чертежах на ее столе, но обретал плоть, стоило лишь выйти за дверь кабинета. Линии, нарисованные тушью, становились изломами крыш, карандашные штрихи превращались в камень и штукатурку.

Любила ли она этот город?..

На перекрестке Шпалерной и Ткацкой улиц, у самого моста через канал Ткачей, опрокинулась телега, и народ бестолково толпился вокруг, сминая раскатившиеся желтые яблоки. Босоногие ребятишки уже полезли под колеса и копыта, рискуя головами, хохотали и дрались в грязи за добычу, устроив шумную веселую возню. Повозку обходили стороной, хозяин кричал на все лады, откуда-то из переулка уже спешили солдаты городского охранения.

Сдерживая раздражение, Тильда медленно шла вместе с толпой, вливающейся узким ручейком на мост. Глядела в чужие затылки, надеясь поскорее высвободиться из этих тисков. Но то и дело кто-нибудь, как нарочно, останавливался, и казалось – конца не будет вялому движению куда-то в неизвестное.

– Фьялки, госпожа! Всего-то полмедяка!.. Госпожа, фьялки, глянь, каки красивые!.. – неожиданный, резкий крик,

как ножом, полоснул воздух.

Откуда-то сбоку к Тильде подскочило жалкое дрожащее существо, обернутое в многослойные тряпки: не то девочка, не то старуха.

– Госпожа, купите... – просипело оно, протягивая ей что-то среди уличной толкотни. – Всего полмедяка. Нигде таких не найдете!

Букетик цветов. Где она его взяла, эта бродяжка?.. В чем саду?

– Бла-ародная госпожа захочет купить цвяточки... Укра-сить себя... – бормотала одни и те же слова уличная торговка. И как она безошибочно поняла, кто перед ней? В грязной одежде, с тяжелой сумкой Тильда не сошла бы и за найрэ.

– Госпожа! – в голосе торговли было что-то уверенное, будто она точно знала, с кем именно говорит.

Отчего-то Тильда не могла отвести взгляд, хотя нищих в Даррее тысячи, куда ни пойдешь – везде наткнешься на калеку или безобразную, беззубую, как вот эта, старуху... Что-то неправильное, странное раздирало коготочками душу. Вспыхнул страх – на миг Тильда представила, что бродит по зимним улицам одна, замерзает и умирает от голода, привалившись к какой-то стене...

Она тряхнула головой, прогоняя наваждение, проверила часы за пазухой на цепочке – при ней ли.

– Отдам даром ради такой-то красоты, – вдруг переменялась торговка. Она схватила Тильду за рукав, неожиданно

сильно и резко дернула к себе, так что сумка с чертежными инструментами слетела с плеча и больно врезалась ремнем в сгиб локтя. – Это от господина Коро. Привет.

«Торговка» смотрела на нее прозрачными как лед глазами ребенка на лице старухи, не мигая. Ждала ответа. Потом слабо улыбнулась, растянув в ниточку тонкие морщинистые губы, и отдала цветы.

– Что мне сказать моему господину?

Сегодня тринадцатый день месяца урожая – а долг господину Кору Тильда обещала вернуть после Долгой ночи. С чего бы ему напоминать о сроке?

Решил припугнуть, показать, что никуда она не денется.

– Скажи, что все в порядке. – Тильда улыбнулась. – И господину Кору не о чем беспокоиться.

«Торговка» понятиливо кивнула – и пропала в толпе, мгновенно растворилась среди прохожих, будто и не было ее вообще.

В руках дрожали на ветру фиалки – любимые цветы. Кто-то шел мимо, толкался и что-то недовольно говорил, даже – кричал, и только сейчас Тильда поняла, что стоит перед самым мостом и мешает людям пройти.

Ее покойный муж Гарольд был игроком. Свою страсть он и не скрывал, пропадая вечерами в самых сомнительных заведениях столицы, и постепенно богатое приданое, полученное от отца Тильды, утекало – на долги, на любовниц, на дурманящие разум зелья. И погиб муж как-то внезапно. Про-

игрался или просто ввязался в авантюру и стал неудобен как свидетель – Тильда не знала. А когда Гарольд умер, оказалось, что он был должен огромную сумму господину Кору, и этот долг лег на плечи Тильды как наследницы изрядно потрепанного состояния.

Десять лет Тильда всеми правдами и неправдами искала деньги, чтобы избавиться от этого долга. Сердце Родерика Кора не знало сомнений и боли, а власть была сильнее власти Сената.

Тильда знала, что двери и решетки на окнах не защитят ни ее, ни сына, как не защитят брата стены отцовского дома в Ларте.

Она поправила ремень тяжелой сумки и решительно зашагала в сторону Жемчужного кольца.

Всю дорогу ей казалось, что за ней кто-то идет, прячась за спинами прохожих. Один раз, обернувшись, она увидела, как какой-то мужчина скользнул в боковой переулок, а потом все та же полусогнутая тень, прижимаясь к стенам, последовала за ней дальше. Тильда усмехнулась про себя. Следят. Ну и хорошо – пусть Родерик Кора знает, что она не боится его.

У ворот дома Тильду встречал Эрин. Он поклонился и сообщил, что дома все в порядке.

– Что-то вы поздно, госпожа, я боялся за вас... – начал он ворчливо-доброжелательной скороговоркой, к которой Тильда привыкла с детства. – Сбежал на площадь, по-

спрашивал. А мне и говорят, мол, ушли вы... Ох, заставили вы меня поволноваться-то... Одна ходите, а сейчас вон, говорят, в переулке Красильщиков двух женщин убили, вывернули наружу все внутренности и... Сумку-то давайте сюда, что же вы... Тяжело же. Воду вот приготовил, она еще теплая, а ужин наверняка уже остыл... Ой, одежда ваша...

– Прости за беспокойство, Эрин. – Тильда ласково улыбнулась, отдавая ему сумку. – Меня задержали дела.

По улыбочивому, в морщинах, лицу мужчины пробежала тень, серые глаза потемнели, словно их накрыли грозовые тучи. Но он лишь поднял фонарь повыше, чтобы осветить Тильде дорожку через сад.

– Все-то вы в заботах, госпожа! Сердце кровью обливается, глядя... Вы бы нашли толкового парня, вот хотя бы... как его зовут? Кажется, Матиас... Или Морис?.. Такой высоченный – вот его бы да пристроить в охрану...

– Эрин, – Тильда прервала его причитания, – с Ароном все хорошо?

Получив утвердительный ответ, Тильда снова улыбнулась:

– Хорошо! Распорядись подать ужин в столовую. Я скоро буду.

Дом встретил ее темнотой и тишиной – давящей и вязкой, как смола.

Дом Элбертов был стар, его кости из крепкого дуба скрипели по ночам, его каменные зубы крошились, он лысел, теряя то одну, то две черепицы. Угрюмый и тихий, он дрях-

лел медленно, с достоинством. Тильда же, несмотря на все выгоды своего положения мастера-архитектора, могла лишь содержать в относительном порядке одно, жилое, крыло. Слишком много места в ее жизни занимал долг Родерику Коро.

Она привыкла так жить, и многого – за давностью впитавшейся в кожу привычки – уже не замечала. Не замечала, как смотрят со стен молчаливые предки Элбертов, провожая странными, потусторонними взглядами всех, кто жил в доме, словно взвешивают, оценивают и ставят пробу. Не замечала многолетней слежавшейся серости. Или не хотела замечать.

Тильда поднялась на второй этаж. Прошла узким коротким коридором, и вытертый плетеный коврик приглушил ее шаги. У двери в самом конце остановилась, глубоко вздохнула и, беззвучно распахнув ее, заглянула в неосвещенную спальню.

Темнота внутри пахла дождем и мокрым деревом.

Огонек свечи сразу же заколебался, готовый погаснуть – Арон оставил открытым окно.

На подоконник натекла целая лужа.

Свечу Тильда оставила у входа на сундуке. Закрыла окно и ставни, вытерла воду, мимоходом подобрала и поставила на полку двух деревянных рыцарей, валяющихся на полу – ее подарок сыну. Она работала над ними несколько месяцев – вырезала, раскрашивала так, что рыцари в локоть вы-

сотой казались живыми.

Арон спал, раскинув руки, скомкав во сне одеяло. Тильда почти не видела его лица, но достаточно было того, что сын здесь, мирно спит. Ей хотелось пригладить торчащие волосы Арона – рыжие, такие же, как и у отца. Но она лишь постояла несколько мгновений над кроватью, потом поправила одеяло.

Над кроватью висели сложные конструкции из перьев, бусин, палочек и ниток, они покачивались от легкого сквозняка, дотрагиваясь до лица. Арон тащил в свою комнату всякий хлам: обкатанные морской водой камешки, ракушки, кривые коряги, перья, какие-то металлические скобы, поломанные ключи, кости птиц... Из всего этого он постоянно сооружал «магические» приспособления. Мэй ворчала, что в комнате Арона невозможно прибраться, потому что все углы завалены чем попало, и иногда Тильде приходилось брать – и выкидывать в мусорную кучу всю эту никому не нужную рухлядь.

Арон потом не разговаривал с ней – иногда целое пятидневье...

Усталость давила на плечи, отдавалась тупой болью в затылке. Но Тильда взяла свечу и подошла к столу, за которым Арон делал уроки. Там лежала раскрытая тетрадь, и Тильда стала вчитываться в неровные буквы и цифры, написанные карандашом. Это был домашний урок, и Арон справился с ним кое-как, записи пестрели ужасающими ошибками.

Горький ком подступил к горлу.

Она могла бы взять и решить эти примеры за сына – исправить неправильные ответы, ведь для нее это так легко! Не то что для Арона, у которого никакой склонности к арифметике, которого учителя никогда не хвалили за прилежание в каких бы то ни было науках, кроме гимнастических упражнений и фехтования.

Несколько мгновений Тильда колебалась. Потом закрыла тетрадь и положила ее обратно. Так она сделает только хуже – если решит задания за сына. Как бы она ни хотела помочь ему – не сейчас и не таким образом.

– Спи, – прошептала она неслышно. И некоторое время стояла, прислушиваясь к стуку дождя за окнами, к тому, как скребут по стеклу ветви кленов.

Нужно было возвращаться к делам: к конторским книгам и сметам.

В просторной купальне, оборудованной кранами с холодной водой, она смыла с себя грязь и пыль, переделась в домашнее платье и поднялась наверх к позднему – слишком позднему – ужину.

Сидела в темной столовой за огромным, до блеска отполированным столом на двенадцать персон. В его поверхности отражались блики свечи, дробились в круглых оконных стеклах, мерцали на олове стаканов и тарелок.

Из темноты выступали массивные, богато украшенные – но пустые буфеты. Ни яркого блеска серебра, ни мягкого си-

нения стекла. А ведь когда-то здесь стояло блюдо из фарфора, подарок отца.

Эрин принес теплые лепешки с сыром, фаршем и специями – такие, как готовят на юге, в ее родных местах. Тильда только сейчас поняла, что зверски голодна: с утра даже поесть времени не было. А лепешки – тонкие, хрустящие, пахли так вкусно, что рука сама собой потянулась к ним. Это была память о Файоссе, о его пряных острых кушаньях, которые подают в саду, в увитых виноградом беседках. Один такой семейный ужин она помнила отчетливо и ясно, как будто это было вчера...

...За столом собралась вся семья. Обедали не в парадной столовой и не в малой, а на воздухе, в беседке с голубым куполом и цветными стеклышками, так что свет солнца дробился на множество лиловых и желтых ромбиков на полу.

Во главе стола сидел отец. Он только что вернулся из удачной поездки – веселый, загорелый и огромный, кажется – еще больше обычного. Мама – подле него, тонкая и стройная, она звонко смеялась каким-то шуткам, то и дело касалась руки отца своей легкой золотистой ладонью. Братья отца и их жены, обе – северянки с голубыми прозрачными глазами и волосами желтыми, как масло – вот уж диковинка в их жарких краях! – сидели степенно, важно, неторопливо что-то обсуждая между собой. Бабушка и дед, все еще крепкие, жизнерадостные, спорили. Дед ругал порядки в столице, а бабушка смеялась: «Угомонись уже, старый ты пень, давно

в отставку, а все туда же»

Над беседкой – две огромные магнолии, их резные тени причудливо падают на дорожку, где маленькая Тильда и ее братья затеяли шумную игру в салочки. «Тильда! Юджи! Рин!» – зовет их мама, и они бегут к беседке, Тильда падает, ушибает коленку, но смеется, глядя на дырку в новом платье. «Ах, негодница, ты только посмотри!» – качает головой отец.

Оглушительно стрекочут кузнечики в траве, и солнце – большое и ласковое. Из кухни Миртл несет восхитительно пахнущее блюдо с копченым угрем, и мама сама накладывает его всем, а потом они едят пироги с вишней, лепешки с сыром и фрукты. Все весело болтают о пустяках и о серьезном. Постоянно кто-то шутит, братья Тильды под шумок норовят стянуть побольше сахара. И день как будто застыл, замер одним золотым сияющим мгновением...

Замер, став хрупче и тоньше хрусталя – и разбился. Осколками стекла разлетелся по столовой, и Тильда вскочила из-за стола, так, что опрокинулся с грохотом массивный стул, разлилось вино. В окне напротив билось что-то черное, билось и кричало, громко, надрывно и страшно.

Только мгновение спустя Тильда поняла, что это ворон. Он пробил клювом стекло и теперь отчаянно рвался в дом сквозь осколки, которые все больше впивались в тело.

Тильда бросилась к окну. Птица истошно вопила. Позади, в доме, захлопали двери – дом проснулся.

Она выталкивала ворона, но битое стекло резало руки, ворон пытался ухватить ее за одежду, нацелясь острым твердым и сильным клювом прямо в лицо, и глаз его блестел бешено и злобно.

Но вдруг ворон резко дернулся вперед, крикнул хрипло, громко и пророчески – и упал на пол столовой, затих окровавленной грудой перьев. Перья и битое стекло усыпали пол, а Тильда стояла над птицей, и руки ее были в крови.

Порезы сильно саднило.

Эрин, подоспевший только сейчас, смотрел на нее с немим ужасом, его губы дрожали.

– Госпожа Тильда... – только и смог выдавить он. – Что же это...

– Это птица, Эрин. – Тильда обернулась: за дворецким маячила растерянная горничная. – Мэй, будь добра, убери это безобразие. Только осторожно. Эрин, принеси мне воду промыть порезы.

– Это Э-э-э-рме-Во-орон, – запинаясь, пролепетала де-вушка. – Т-т-точно. Он!

– Это просто птица, – с едва сдерживаемой тихой яростью ответила Тильда. – Или давай тряпку, и я сама это все уберу!

– Н-нет, госпожа, я все сделаю! – Горничная справилась с испугом и побежала за водой.

Тильда устало опустилась на стул. Ковер был безнадежно испорчен – но ковер не жаль, он все равно был протерт едва ли не до дыр. А вот стекло в окне заменить на новое стоит

немалых денег...

Дурная птица.

Эрме-Ворон. Безумец, служитель Маллара, который сжег свой храм — вместе с другими служителями, уверенный, что Безликий спасет его город от чумы. Но за то, что он внял голосу Безликого, Маллар превратил Эрме в черного как сажа ворона, обреченного вечно приносить вести о бедах и горе, обреченного на ненависть людей.

Нет, глупости, рассказы, как болтовня о проклятии, быть такого не может! Хватит с нее на сегодня. Лучше вернуться к привычным заботам. У нее нет ни права, ни времени на тягостные мысли о странных совпадениях и безумных птицах. Ей нужно написать письмо брату, просмотреть конторские книги, убедиться, что денег для господина Коро хватит. А еще написать отцу Грегору — попросить зайти и взглянуть на Арона.

Поэтому сейчас она пойдет работать.

– Эй, эй, прекрати! Меня стошнит! Аро-о-он!

Крики Людо Арона только раззадоривали – и он все сильнее тряс дерево, так, что Людо повизгивал от страха, вцепившись в ветку. Бум! Сверху шмякнулась перезрелая груша – чуть по темечку не попала, за ней – еще одна. И Людо висел на этом дереве точь-в-точь как груша, и такой же желтый от страха.

– Как ты будешь драться с рутенцами, а? – веселился Арон. – Они тебя на фарш порежут, если станешь так визжать!

– А дерево тут при чем?!

Себе, разумеется, Арон в военной кампании в Рутене отводил роль адмирала: он будет командовать армадой с моря, и ни один корабль рутенцев мимо не пройдет! По взмаху его руки будут стрелять пушки, ядра будут лететь в крепость на холме, а потом солдаты пойдут в атаку – и враг сдастся, и тогда он сам возьмет в руки вражеское знамя и скинет его в море на глазах у всех!

– Арон! – взмолился Людо, и Арон, очнувшись, решил, что на сегодня хватит.

На дереве у них было «гнездо» – почти как у моряков. Можно было влезть по веревочной лестнице, но Арон презирал простые пути. Он споро забрался по веткам к Людо,

достал из кармана пирожок.

– На!

Людо, слегка зеленоватый под цвет своей школьной куртки, посмотрел на него так, будто Арон предложил яд.

– Сам ешь свои пирожки, – буркнул. – Я тебя чего, просил дерево трясти?

Арон пожал плечами, в один укус сжевал пирожок, потом, уцепившись ногами за ветку, свесился вниз головой, покачался.

– Скучно, – объявил он. Перевернутый мир ходил маятником туда-сюда, перевернутые птицы плыли в море, превращались в китов и акул, а дым из трубы шел вниз и вращался в водную гладь. Деревья опирались листьями на небо, а сквозь листья лезло солнце, щекотало лицо. Остаться бы вот так висеть, как летучая мышь – да только в голове шуметь начинает от крови – не провисеть долго.

– Пошли сыграем в «квадраты», – услышал он то ли сверху, то ли снизу – как теперь разобрать?..

– Скучно! – Арон подтянулся и сел на ветку верхом. Кровь от головы полилась обратно, и в ней стало звонко, как в барабане.

– А в мяч?

– Скучно!

– Мне попугая подарили. Его можно говорить научить! Пойдем посмотрим?

– Выдумал! Пусть твоя сестра с ним и нянчится!

Это для девчонок, – Арон сказал это так, будто никакие попугаи его не волнуют, но, конечно, сразу же засвербело в животе от любопытства – но не показывать же это! И почему этому толстяку достаются такие роскошные подарки!.. Ему-то мама никогда попугая не подарит, как ни проси: нет у них денег на такие глупости – так и скажет.

Но у Арона тоже было чем похвастаться и без попугая:

– Мне тут Эрин знаешь что сказал? – зашептал он. – Что у нас в подвале старик Элберт, который Красная Борода, зарыл клад. Где-то в стене, то есть, спрятал. Там наверняка золото есть, а даже если только серебро – ты представь, какими мы станем богатыми!

Арон знал, на какую наживку ловить друга: тот страсть как любил истории о кладах и призраках. Глаза у Людо так и засверкали. Арон скармливал ему всякие Эриновы и собственные небылицы: про живые отрубленные руки в сундуках, про летающий стол, про древние кости, что стучат в новолуние и жаждут мести.

– А если нас застукают?

– Куда им! – Арон отмахнулся. – Я ведь колдун!

Людо уважительно вздохнул, а Арон улыбнулся победно: хоть в чем-то он первый! Людо учился гораздо лучше Арона, ему дарили попугаев и лошадей, красивые маленькие кинжалы и шпаги и толстые книги. Но у Арона была настоящая сила Многоликого.

– А...

– Шшш. – Арон зажал Людо рот: кто-то шел по тропинке к беседке.

Взрослые шаги и голоса приближались.

– Арон должен быть дома, отец Грегор. – Маму он не видел за разросшимися кустами, но ее голос слышал хорошо. – Но сначала я бы хотела с вами поговорить наедине.

Другой голос, тихий, мужской, ответил что-то неразборчиво. Отец Грегор? Тот высокий лысый старик, который иногда навещал маму, и они длинно обсуждали строительство и всяческие скучные книги?.. Арон помнил его: однажды отец Грегор даже угостил его жженым сахаром. У него не хватало переднего зуба, и весь он был слеplен из пыли, старых пергаментов, засохшей лозы.

О Людо Арон и вовсе забыл, вытянул шею, слушал. Значит, мама отца Грегора позвала – к нему. Хотел уже слезать – и вдруг услышал:

– В роду Варрен не было ни одного человека, наделенного даром. – Мамин голос, ровный, гладкий и блестящий, как изразец.

– А в семье вашего покойного мужа? – Голос шершавый, как кора, нагретая солнцем.

– Нет. Я подняла записи... Элберты тоже никогда не были наделены силой Многоликого.

Арон превратился весь в одно большое ухо, раскрывшее раковину в сторону скамьи под старым дубом, куда прощуршали шаги. Про отца мама говорила редко, неохотно,

да и про его семью тоже – Арон знал лишь, что он последний из рода Элбертов, а все остальные умерли.

– Редко, но такое случается.

– Отец Грегор... Мне кажется...

– Беспокойство за судьбу ребенка естественно для матери.

Вы не желаете отдавать его в орден на обучение, и я понимаю вас. Но влияние Агората сейчас не так сильно, как прежде. Вы наверняка знаете, что Сенат готовит законопроект, в котором обучение магии сделают светским. Возможно, вашему сыну не придется уезжать из дома.

– Меня беспокоит не сила Арона, а то... что появилось вместе с этой силой. Это ведь то, о чем я думаю?..

Голоса ненадолго умолкли. Что, что там происходит?! Вот бы увидеть сквозь листву, прожечь ее взглядом! Но такого Арон еще не умел.

– Черные деревья не редкость ныне, – проскрипел голос священника.

Арон с Людо переглянулись. Черные деревья – и как он это прохлопал в собственном саду! Арон припомнил, что вчера видел черные стебли у заднего крыльца, и они пахли порохом и темнотой.

– Это может быть связано с?..

– О нет! Не думаю. Они обыкновенно растут на местах, где проливали кровь. Предки вашего мужа были людьми вздорными, и, насколько мне известно, кровавые стычки случались часто...

– Тогда черными деревьями должен был порости весь город, – ответила мама сухо, резко.

Внутри зрело что-то, чему названия не было – темное и густое.

– Скоро мы слезем? – Рядом завозился Людо, шумно за сопел.

– Сиди, сейчас приду!

Людо только пошлепал губами:

– Убью, если долго будешь.

– Хочешь, чтобы мама узнала, что мы подслушивали?

Людо отчаянно замотал головой.

Нужно было незаметно слезть с дерева и подойти к скамье с другой стороны так, чтобы его услышали и позвали, и Арон с успехом все это проделал. По дороге дугой обошел черные ростки, которые торчали из земли куриными лапами. Воздух над ними чуть дрожал, как над огнем.

– Рад вас видеть, молодой человек, – улыбнулся щербато отец Грегор, увидев его; стекла очков весело блеснули. Арон взглянул на маму: она сидела очень спокойно, сложив руки на столе, как какая-нибудь древняя статуя Лиины или еще кого, Арон точно не помнил. Только бровь подняла на растрепанный Аронов вид.

Арон поздоровался и тайком попытался пригладить волосы и поправить воротник.

– Отец Грегор обещал посмотреть, настолько ли твой дар сильный, – сказала мама.

– Да-да, садитесь с нами, молодой человек, – священник похлопал ладонью по скамье рядом с собой.

Арон неловко потоптался перед ним, сел. Что с ним будут делать? Какое испытание устроит этот Грегор? Заставит глотать огонь или изрыгать его? Или во что-нибудь превратит? Арон читал про Шеймо из Саттории, которого учитель превратил в камень, и тому надо было найти нужное слово, чтобы расколдоваться. А может ему нужно будет наслать дождь? Или заставить двигаться что-то неживое?..

– Дайте мне руку, – просто и мягко попросил отец Грегор. На миг задержал его руку в длинных холодных пальцах.

– Я вас обрадую, моя госпожа... – Он улыбнулся маме.

У Арона сердце скакнуло, и его так и подбросило на скамейке! Он владеет силой! Он станет учиться настоящей магии!

– ...вам не придется расставаться с сыном. У него нет силы Многоликого.

До Арона его слова дошли не сразу. А когда дошли – внутри будто разорвало все на маленькие кусочки. Он оглох и ослеп, и руку отдернул, как из капкана, только железные челюсти уже раздробили кости.

– Я... Вот, постойте, поглядите! – Арон поднял калечную руку: ничего не случилось. – Я... и свет зажигать могу, и сдвинуть камень, и воду заморозить! Я...

– Это вспышка силы, молодой человек, это встречается, – начал ласково священник, и от этого тона только сильнее

грызла обида. – Не расстраивайтесь так горько, вы забудете об этом, как и свойственно вашему юному возрасту. И станете...

– Я не маленький! – Арон вскочил. – Идите вы... в бездну!

За спиной ахнула мама, но сказать ничего не успела. Арон ураганом пронесся мимо, ввинтился в кусты, продрался через них, словно за ним гналось пушечное ядро. Убежать от мамы дело плевое, особенно если залезть на дерево и сидеть там. Мама никогда за ним не полезет, и Эрин не полезет.

– Вы сговорились! Обманщики! – кинул он не оборачиваясь, неясно кому. И вдруг с ужасом вспомнил про Людо, который и позор его видел, и слезть не может: боится. Мгновение он разрывался – прятаться или идти выручать приятеля, но Людо точно просидит тут до вечера, трясаясь, как студень. Пока он размышлял, как быть – его нагнали.

– Арон, пожалуйста, извинись. – Жесткие пальцы схватили за плечо. Он поднял голову и увидел маму с лицом таким твердым и оттого страшным, что тут же захотелось вывернуться и сбежать. Он пробормотал слова извинения, не глядя на предавшего его отца Грегора.

Теперь точно накажут, подумал уныло. А самое главное – ни за что! Ему просто не повезло, не получилось вызвать огонь, да ведь и раньше не всегда сразу получалось... А все они решили, что он тупица и врун.

Обида была такой горькой, что сбивала с ног. Но Арон нашел в себе силы посмотреть на маму.

– Там Людо сидит... На груше. Ты его не ругай только, ладно, он не виноват, мы просто...

Мама даже вида не подала, что удивилась. Сказала только:

– Иди в комнату. Останешься сегодня без ужина. И выучишь к утру наизусть всю вторую главу «Деяний Гедеона Нойберта».

Арон завыл, но сильные мамины пальцы уже тащили его за ухо в дом, на заклатие древним старикашкам из учебников и к голодной смерти во славу несправедливости.

Зрелище, представшее перед Тильдой следующим утром, приятным назвать было сложно. В ближайшем к стройке трактире пьяным беспробудным сном спали люди мастера Уильяма, второго мастера-каменщика, – кто за столами, кто на скамьях, а кто и вовсе вповалку на полу. Гулянка накануне, похоже, вышла славная. Служка лениво сгребал к середине зала грязную солому и мусор с пола монотонными движениями – шурх, шурх.

От отвращения Тильду передернуло. Кто-то лежал в луже собственной блевотины, кто-то храпел на весь зал, и вонь стояла такая крепкая, что все же пришлось прижать к носу платок.

Тильда носком башмака приподняла чью-то изгвазданную шляпу.

– Как их тут не обчистили?

Мартин Каффи, стоящий рядом, развел руками:

– Может, брать уже нечего с них было.

– Дык они сняли весь кабак! Не знаю, чего уж они тут праздновали... Орали песни, но без девочек. Без девочек, – оправдывалась хозяйка, отводя взгляд и пряча руки под передником.

Тильда вздохнула:

– Ясно.

Перешагнув остатки глиняного кувшина, она направилась к двери. Хотелось выйти на воздух и грязно выругаться. Мало того что мастер Уилл не появился утром, так еще и Мартин Каффи об этом ничего не знал. Замену каменщикам едва нашли!.. А эти валяются тут, вдрызг пьяные!

В зал, пригнувшись, вошли двое городских стражников, и Тильда повернулась к ним, указывая на мужчин за столами:

– Делайте с ними все, что требует закон в таких случаях.

Закон требовал прилюдного наказания на площади: заключения в железный короб с отверстием для головы и нравоучительными картинками на стенках. Каждый, кто проходил мимо, мог вдоволь насмеяться и кинуть в пьяницу гнилую репу или тухлое яйцо.

Стражники понимающе усмехнулись:

– Сделаем, госпожа.

Тот, что повыше, широкоплечий парень в новом мундире с блестящими пуговицами, картинным жестом героя из любовной пьесы оперся о мушкет. Тильда сделала вид, что этого не заметила. Стражник сделал вид, что ему совершенно все равно.

Ему хотя бы хватило соображения не предлагать «проводить госпожу, ведь город – место опасное»...

Второй мужчина приказал службе принести воды, и испуганный служка, бросив уборку, по стенке добрался до двери и шмыгнул во двор.

Оставаться в кабаке было уже незачем – стража сама все

сделает как положено, расстареется за щедрое вознаграждение. Тильда подошла к Мартину Каффи – тот стоял, мрачно скрестив на груди руки.

– Мастер Каффи, прошу вас проследить, чтобы Уильям и его люди получили свой заработок и больше никогда не появлялись на стройке.

– У них же дети! Жены! – оторопел мужчина.

– Видимо, о детях и женах они думали в последнюю очередь, когда устраивали гулянку в рабочий день. Второй раз за месяц.

– Так же не делается! – Мастер Каффи был одного с ней роста и смотрел прямо в глаза. И взгляд этот Тильде очень не понравился – в нем было неповиновение. Вызов.

– А как – делается? Попускается пьяницам и ворам? Вы слишком часто закрываете глаза на мелочи. Но это – не мелочь. Работа стоит.

– Я...

– Я подам докладную записку в министерство.

Разговор был окончен, и Тильда наконец вышла из душевого зала на улицу. Она немного постояла, глубоко вдыхая кажущийся свежим после кабака воздух. Дети гоняли обруч, кто-то неспешно прогуливался вдоль витрин, кто-то, наоборот, спешил по делам. Деловитость, кипучая неутомимая энергия Бронзового кольца придавали сил. Жизнь шла своим чередом.

Сегодня предстояло много работы, и Тильда быстрым ша-

гом направилась в сторону стройки.

Вместе с мастером-каменщиком Руфусом она отправилась в долгий путь по узким и шатким лестницам, поднималась на леса и спускалась вниз, осматривала буквально каждый дюйм стен, сложной системы опор, арок и колонн. Этот обычный обход стройки занял достаточное время, но нужно было удостовериться, что все в порядке, и она заглянула в каждый уголок, перекинувшись парой слов с каждым мастером.

– А это что такое? – Тильда остановилась посреди второго яруса лесов. Здесь проходила арка портала, и замковый камень пошел трещинами, что могло грозить обрушением не только портала, но и будущего свода, что опирался на эту стену.

Желание устроить выволочку Мартину Каффи все усиливалось: слишком много ошибок он допускал в последнее время. Это желание пульсировало в груди и на кончиках пальцев.

После осмотра стен Тильда позвала помощника. Они стояли под арками входа, и солнечные лучи едва пробивались сквозь взвесь пыли и каменной крошки.

– Госпожа Элберт, мы не укладываемся в сроки... – Мартин Каффи развел руками. Он выглядел растрепанным и каким-то нахохлившимся. После утренней истории с мастером Уильямом мастер-строитель, казалось, не горел желанием разговаривать с Тильдой.

– Вопрос о сроках решаю я и Агорат, уважаемый мастер Каффи. А не ведомство, как бы вам того ни хотелось.

– Но вы требуете от меня невозможного, госпожа Элберт!

– Не невозможного – всего лишь необходимого, – сухо ответила Тильда. – Вы прекрасно понимали, что еще нельзя снимать кружала, раствор не затвердел, но почему-то отдали вчера приказ их снять. Вы хотите, чтобы эта арка рухнула вам на голову? Мастер Каффи, – в ее голосе звучали жесткие интонации, – ответственность за произошедшее полностью ложится на вас. Займитесь подпорками для арки и молитесь Многоликому, чтобы она не развалилась.

– А может, это проклятье, – тихо, но зло проговорил сквозь зубы Каффи. Он сжал кулаки. – Проклятье Маллара!

Эти разговоры – что храм Маллара Многоликого проклят – ходили с самой закладки фундамента и неизменно раздражали Тильду. Она не верила в них, как и в те предрассудки, что были так сильны среди людей ее ремесла: что нельзя закладывать краеугольный камень дома в дни убывающей луны, что полынь, смешанная с раствором, спасет от пожара, что ступенек всегда должно быть нечетное количество...

Тильда же всегда надеялась на науку, находя в цифрах и формулах гармонию и постоянство, ибо нет ничего постоянного в цифрах и правильнее формул!..

Она хотела резко ответить мастеру Каффи, но громкий окрик заставил их обоих обернуться:

– Эй! Кто здесь главный?

На строительную площадку въезжали запряженные быками подводы, а к Тильде шел рыжебородый мужчина, размахивающий какими-то бумагами.

– Камень из Домара, – объяснил он, показывая на подводу. – Мне нужна госпожа Элберт, отпись бы подписать.

Его взгляд остановился на Тильде. Рыжебородый легонько поклонился, пряча улыбку – или усмешку – в бороде.

– Восемь? – Тильда окинула взглядом груз. – Обычно мы получаем дюжину.

– В этот раз, госпожа, меньше. Я только слежу, чтобы камень в целости доставили. И сопроводительные письма вот.

Он отдал Тильде смятые, истертые на краях листы, скрепленные печатью.

Пока она читала, к ним подошел Руфус, мастер над каменщиками.

– Госпожа, постойте-ка, позвольте сказать? – Он недоброглянул в сторону рыжебородого, терпеливо ожидавшего, когда Тильда подпишет бумаги.

– Ну, говорите. – Она отвечала, не поднимая головы от бумаг.

– Камень не из Домара. Айласский.

Пару мгновений Тильда непонимающе смотрела на главного каменщика и не могла понять – он шутит? Или говорит серьезно? Она еще раз взглянула на строчки, написанные ровным почерком неизвестного писца.

– Руфус, но по документам все в порядке. Взгляните, здесь все печати и подписи стоят как положено.

– А я у этого сучьего потроха сам сейчас спрошу. – Лицо Руфуса налилось красным, и он схватил человека, приехавшего с подводами, за грудки. – Про печати да подписи. Откуда это дерьмо собачье, а?

– Д...д-домар! – выплюнул тот.

– Сейчас увидите, какой это Домар! – Руфус потащил рыжебородого к подводам, хотя тот яростно упирался, цеплялся за доски и какой-то мусор.

– Прекратить!.. – только и успела крикнуть Тильда, как Руфус оказался у подвод. Камень немного отличался цветом, но был похож во всем на тот, что добывали в каменоломнях Домара.

– Посмотрите! – Главный каменщик ткнул пальцем в один из блоков. – Цвет другой и прожилки! Железные! Расколется – и все тут. И вес не выдержит как положено при нынешних расчетах!

– Руфус, вы уверены?

Если главный каменщик прав, то основные работы встанут самое меньшее – на три пятидневья. Тильда теперь и сама видела, что камень не из Домара.

– Да.

– Но документы на домарский камень. Как же так?

Домар и Айласс находились в разных провинциях, на расстоянии, равном несколькими дням пути верхом. Это не мог-

ло быть ошибкой.

– Договорами и поставками занимался господин Каффи. – Руфус все еще держал рыжебородого. – Небось с этим хмырем сговорились.

Краем глаза Тильда увидела, что Каффи медленно, стараясь казаться незаметным, отходит в сторону, за колонны.

Но убежать мастеру-строителю не дали. Его схватили, скрутили за спиной руки, и вот он стоит напротив Тильды – взгляд обжигает ненавистью, такой страшной, черной, дикой, что от этого взгляда становится не по себе. Ноздри мужчины раздувались, борода топорщилась вверх, волосы торчали во все стороны.

– Мастер Каффи. Как это понимать? – Тильда не сдерживала угрозу в голосе. – Мне придется позвать городскую стражу. Вы пытались сбежать! Объяснитесь.

Каффи молчал. Только напряглась мощная шея, вздулись желваки.

– Я. Жду. Ваших. Объяснений, – повторила Тильда – тихо и спокойно.

– Храм все равно проклят! – выдавил Каффи. – Так что какая разница! Я давно это понял, как только проект увидел! Что Маллар будет недоволен! Что он обязательно нас всех тут угробит!

– Вы не ответили на вопрос. Я хочу знать, почему я, выделяя вам деньги, доверяя вам договоры с поставщиками, получаю камень ненадлежащего качества, который стоит, к то-

му же, в три раза дешевле домарского. Куда вы дели выделенные деньги?

Мужчина вздернул подбородок. Самодовольная, раздражающая ухмылка искривила его губы.

Видя, что отвечать Мартин Каффи не намерен, Тильда продолжила:

– Прекрасно. Думаю, мне стоит провести тщательнейшую проверку и привлечь людей из Казначейского и Судейского ведомств.

Лицо Каффи перекосила ярость, и Тильда отступила на шаг, несмотря на то что его держали двое мужчин. Каффи никогда не отличался смирным нравом, и кулаки у него – что две дыни, такие и стену пробить могут.

– Во всяком случае, это место я получил сам! В постель к министрам мне ложиться не пришлось!

– Мне кажется, что дела, которыми вы занимаетесь с министром Айхавеном, именно так и называются – «ложиться в постель». Уведите его. – Тильда кивнула подоспевшей городской страже.

Мартин Каффи подозрительно спокойно позволил себя увести. За ним была сила, и Тильда понимала – какая. Затылок обдавало теплым ветром, но чудилось, что это дыхание чудовища, которое сидит, ожиревшее, в стенах Канцелярии, и смеется – над ней.

У кабинетов Канцелярии – особый запах. Навощенного дерева, старого сукна, пыли, слежавшихся за долгие годы бумаг и пергаментов и свечного сала. Запах душных каморок, в которых сидят душные люди.

Сегодня этот запах казался особо настойчивым, застоявшимся, несвежим.

Окна приемной министра Дорана Айхавена выходили во внутренний дворик, тихий и спокойный, и бурная жизнь города будто отодвигалась, оставаясь за толстыми стенами и узкими кабинетами, переходами, галереями, коридорами и залами. Уныло бормотал дождь, оплакивая уходящее летнее тепло, и Тильда смотрела, как в лужах вздуваются пузыри – дождь будет долгим.

Время измерялось стуком каблучков по мраморному полу и глухим, далеким звоном гонга.

Слушая обрывки разговоров, Тильда нервничала все сильнее. Она не ждала приятной беседы – слишком хорошо ей была известна манера нового главы Градостроительного ведомства избегать прямых ответов, увиливать, юлить.

Скрип пера в углу вдруг прекратился, и Тильда ощутила, как обшаривает ее жадным взглядом невзрачный человек, что сидел там за конторкой. Она обернулась, сильнее сжимая папку бумаг в руках, но тут из двери напротив вышел

высокий мужчина в мундире и с поклоном произнес:

– Госпожа Элберт, господин Айхавен ждет вас.

Тильда кивнула и вошла в душный сумрак кабинета.

Оттуда, из сумрака, сгустившегося позади массивного резного стола, поднялась ей навстречу тень, которая почти сразу приобрела знакомые черты невысокого тучного Дорана Айхавена. Тускло блеснуло золотое шитье на черном бархате сюртука, ловя пыльные лучи света.

– Простите, что заставил вас ждать, госпожа Элберт. – Господин Айхавен легко прикоснулся полными губами к ее руке. – Вы, как и всегда, очаровательны!

– Благодарю. – Тильда сдержанно кивнула в ответ, хотя ничего очаровательного в своем облике не находила.

Любезности, которые говорил министр, прогорклым крошечным скрипели на зубах. Сухие, как старые галеты, они раздирали горло.

– Я всегда с нетерпением жду вашего визита, ибо разговор с вами доставляет мне великое удовольствие, – продолжил Доран Айхавен, приглашая ее сесть в удобное кресло у окна. – Ум и красота редко сочетаются в женщинах, а вы, к тому же, еще и творец... Отчасти я вам завидую – вы создаете, и имя Тильды Элберт будет вписано в историю как имя великого зодчего. Чего не скажешь о ничтожном слуге Республики.

Он с деланой скромностью склонил голову.

Разговор был, конечно, не новым, а высокопарность ми-

нистра была очередной утомительной игрой.

– Может статься, я никогда не увижу храм достроенным. Мы еще не закончили стены, а сколько лет уйдет на внутреннюю отделку.... – Она немного помолчала. – Впрочем, это глупости. Важны политика и люди, а не куски камня. Пусть и прекрасные. Позвольте поговорить с вами о деле?

Крупное породистое лицо Дорана Айхавена поскучнело, а улыбка завяла.

– О, вы, южане, так нетерпеливы, – заметил он. – Это, верно, потому что солнце юга такое горячее – будоражит кровь и вселяет беспокойные мысли. Мы же здесь привыкли к медленному течению жизни...

Он откинулся на спинку кресла, сцепив перед собой руки и глядя не на Тильду, а мимо, на собственный портрет за ее спиной.

Но Тильда не обманывалась его мнимой расслабленностью. Этот человек не прощал просчетов, и он следил за ней внимательно, цепким взглядом чиновника высокого ранга.

– Как я понимаю, допущена ошибка. Сегодня нам привезли камень, по документам – из Домара, но мастер Руфус и другие мастера подтвердили, что камень айласский, – мягко, но решительно начала Тильда. – Но айласский камень мало того, что отличается цветом, он имеет меньшую плотность и, следовательно, меньше подходит для строительства – легче крошится и хуже выдерживает нагрузку.

Тильда понимала, что министр Айхавен не нуждается в ее

объяснениях, но все же говорила, потому что терпеть тишину, наполненную его многозначительным молчанием, не было сил.

– Вот. – Она протянула Дорану Айхавену бумаги, скрепленные печатью. – От меня и моих мастеров. Здесь докладные записки и прошение о предоставлении именно домарского камня. И еще нам необходимы дуб, мрамор для колонн... Там все перечислено.

Нахмурившись, Доран Айхавен читал строки, написанные ее ровным строгим почерком.

Три удара сердца – невыносимо долгих и болезненных – и, наконец, бесцветный, деловитый голос министра:

– Это немалая просьба, госпожа Элберт. Вы же понимаете, что решение будет не за мной. Мне очень жаль, что вам придется ждать...

– Простите, господин Айхавен, но как долго мне придется ждать вашего решения?

Вкрадчиво, по-кошачьи, зазвучал голос министра:

– Домар отказался от своих обязательств перед нашим ведомством, и теперь мы заключили договор с семьей Рейст, что для нас гораздо более выгодно, особенно в такое сложное время... Вы же понимаете.

Она понимала, о, она понимала! Айласский камень так дешев, потому что в их каменоломнях используют рабов. Наживаются на тех, кто попал в долги – что ж, это почти ничего не стоит. И даже не противоречит законам. Доран Айха-

вен навязал и ей в рабочие осужденных, и Тильде пришлось принять ту бригаду. Те люди не были убийцами или разбойниками, но их участь была незавидной. Простить это господину Айхавену Тильда не смогла.

А Доран Айхавен продолжал:

– ...сие не вызывает у меня беспокойства, не должно беспокоить и вас. Объясните мастерам...

Тильда с силой сжала подлокотник кресла, так, что перстень больно врезался в палец. Спокойствие и выдержка, напомнила она себе.

– Разумеется, семья Рейст – одна из самых влиятельных в стране, сам наместник Дарреи принадлежит к ней, но, мне казалось, Рейсты знамениты серебряными копиями, а вовсе не каменоломнями, – непринужденно заметила Тильда, делая вид, что не понимает, к чему клонит министр. – И я не понимаю, почему, раз мы разорвали договор с Домаром, меня не известили, более того, по документам мы все еще получаем домарский камень.

– Госпожа Элберт, вам известно, что у моего ведомства забот всегда по горло: нужно что-то решать с мостами в Бронзовом кольце, потом дороги, снос этих несчастных стен, канализация, в конце-то концов... И главные улицы в Даррее давно уже пора расширить... Неудивительно, что какой-то из моих подчиненных что-то перепутал в бумагах.

Лживый ублюдок! Сказать бы ему все, что она думает, стереть это кичливое выражение с его лица!..

– Возможно, вы посчитаете, что я сгущаю краски... Но вчера едва не погибли трое. Несколько блоков оказались неисправны, веревки не выдерживают даже небольшого веса. И это не говоря о камне. Дерево, что вы прислали нам, поражено древоточцем. Инструменты слишком быстро ломаются, кузнецы жалуются на плохое железо. Поймите, господин Айхавен, – Тильда постаралась придать голосу всю возможную убедительность, – я хочу построить храм Многоликого так, чтобы он стоял века. Только и всего.

Но Доран Айхавен был иного мнения. Его не интересовало, будет ли храм надежным, простоит ли он, служа людям, долгие годы. Возможно, делал он это еще и в пику Агорату, с которым у него были не самые дружественные отношения.

– Я понимаю, госпожа Элберт, – откликнулся, вставая, министр. – Разве способен я отказать вам в просьбе?.. Женщине, которая при желании могла бы подчинить себе любого сенатора одной улыбкой? Но увы, вам милее находиться в обществе грубых работяг. Разве они ведут себя честно? Ваш мастер-строитель, например? Он крал у ведомства деньги. А у вас, моя госпожа, при этом, огромные долги.

Тон господина Айхавена казался сочувствующим, даже – восхищенным. Он играл. Это были замысловатые игры Ретты, хитрой лисы, что путает ниточки, жонглирует судьбами, как клубками шерсти. Темные, жестокие игры.

Доран Айхавен стал главой ведомства два года назад – явился из своей провинции, словно выскочил на пружине

из-под крышки шкатулки с секретом. Они даже танцевали на приеме в ведомстве – Тильда хорошо запомнила его взгляд, полный превосходства и торжества: министерское кресло, которое он занял, сначала прочили ей.

Первая их стычка произошла почти сразу же после того, как Доран обжил кабинет Якова Литта – из-за расширения улиц в Железном кольце. Тильда тогда вытребовала у Сената личный контроль над ходом работ. Этого поражения господин Айхавен простить ей так и не смог.

Он ленивыми степенными движениями наливал вино в бокалы темного стекла.

– Трейское. Не такое хорошее, как то, что делают в ваших родных местах, конечно. – Он передал Тильде бокал.

Доран Айхавен с улыбкой пригубил вино. Тильда тоже отпила глоток, не чувствуя ни вкуса, ни аромата.

– Благодарю. Но мне хотелось бы знать ваш ответ.

Броня Дорана Айхавена была непрошибаемой, крепкой, как металлический панцирь. Он говорил что-то отвлеченно-вежливое, но истинный ответ читался на его губах, невысказанный, но такой ясный.

Ему было все равно.

Злость разом схлынула, оставив разочарование – едкое и густое, как смола. И тогда Тильда решилась.

– Возможно, Сенат проявит большую заинтересованность в делах Градостроительного ведомства, чем его глава, – с холодным достоинством произнесла она. – И возможно, ко-

му-нибудь из сенаторов захочется проверить документы, касающиеся строительства, особенно если вдруг что-то случится.

Доран Айхавен сладко улыбнулся.

– Да, будет прискорбно, если что-то случится, и виноватым посчитают мастера-архитектора, в чье ведение поступают деньги, выделенные на строительство, и чьи подписи стоят на всех документах, – уточнил министр. – Мне придется приехать к вам с проверкой... Ведь мы не хотим, чтобы *что-то случилось*, не так ли, госпожа Элберт?..

С последнего урока Людо и Арон удрали.

Еще не прозвенел школьный колокол. Еще скрипели перья, старательно выводившие арифметические примеры. Еще не слышны были голоса старших и смех младших учеников в широких коридорах. Но Арон уже нетерпеливо ерзал на скамье, будто под ним – раскаленное железо.

Бежать! Скорее! Вон из душного класса, вниз по высоким ступеням и – еще дальше, дальше, по широкой Липовой улице, вдоль канала, вперед – и вверх!..

В кончиках пальцев, в ногах обосновался какой-то веселый зуд, жжение, не дающее покоя.

Людо пихнул Арона локтем в бок. Они переглянулись.

– Готов? – едва слышно шепнул Людо.

– Готов, – одними губами ответил Арон.

И они удрали. От скучных пыльных историй, от спряженных глаголов, от задачек, строчек и зубрежки. Чувство опасности щекотало им пятки, заставляя прыгать, подтягиваться, бежать и таиться, ловко перелезая кованую ограду, пока здание школы – массивное, кирпично-красное, не осталось совсем далеко.

Арон бежал быстро. Позади кричал что-то Людо, но не мог догнать.

– Стой! Подожди! – Где-то на середине сонной Липовой

улицы Людо все же докричался до Арона, и Арон остановился, чтобы перевести дух. Посмотрел на Людо. Тот наклонился и дышал тяжело, опираясь на колени, сумка болталась возле живота, и лицо раскраснелось, а волосы стали совсем мокрые.

– Мы... куда?

Арон огляделся. Жемчужное кольцо было известно ему так же хорошо, как собственный двор. Ничего интересного: высокие заборы и злые собаки.

– Айда в Бронзовое!

Широкий рот Людо расплылся в улыбке.

– А ты там был?

– Один – нет. И что?

– А нас там не побьют?

Арон засмеялся:

– Мы сами кого угодно побьем!

И они побежали. Понеслись по улице, исполосованной светом и тенью, разбивая в многочисленных лужицах отражение неба. Как будто что-то огромное подталкивает в спину, тянет вперед что-то грандиозное, великолепное и – самую чуточку – страшное.

Улицы за Северными воротами не сразу делались уже и темнее, не сразу начинали плутать, изгибаясь во всевозможных направлениях. Арон и Людо оказались среди уличных торговцев, вышедших за покупками служанок из богатых домов, спешащих на рынок горожан, попрошайек, ремес-

ленников.

Арон только и успевал головой вертеть – сколько тут всего! На углу продавали какие-то волшебные шары – торговец уверял, что они из Алмарры. Шары в руках торговца меняли цвет – с красного на желтый и к зеленому, потом – на синий, некоторые становились совсем черными.

– Предсказатели судьбы! Новейшие образчики, красный цвет – опасность, желтый – свидание, синий – деньги, черный – гибель! Берите! Не стесняйтесь! Три серебрыка!

– Что-то дешево для шаров-предсказаний из Алмарры, – буркнул Арон, хотя поглазеть было интересно, и они некоторое время смотрели, как подходят прохожие, интересуются, берут в руки шары... Почти всем шар предсказывал деньги. Интересно, он сам – может предсказывать судьбу? Арон представил себя в ярком восточном тюрбане с огромным рубином и усмехнулся.

– Есть хочется, – пожаловался, оглядываясь по сторонам, Людо.

Мимо прошел лоточник, и от его лотка так сладко пахнуло свежими булочками, что желудок у Арона едва не скрутился в жгут. А рядом продавали жареных кальмаров, пирожки, печеные яблоки, луковые кольца. Арон порылся в карманах – но безрезультатно: ни монетки.

– У меня ничего, – уныло сказал он.

– И у меня, – так же кисло кивнул Людо.

– Тогда?..

Арон посмотрел на удаляющегося лоточника, время от времени выкрикивающего: «Пирожки, булочки, рогалики! Пирожки, булочки, рогалики!» В пальцах закололо от сладкого и страшного предчувствия. Решаться надо быстро – булочки неспешной походкой уходили все дальше.

Главное – подойти осторожно, спокойно. Быстро схватить булку. Не бежать! Тихо отойти в сторону...

Спрятать булку в сумку. Изобразить скучающий вид.

Конечно, ничего им не будет за кражу, ну, за уши оттааскают – велика беда! Но уши тоже жаль. Поэтому, как бы ни хотелось сорваться и броситься прочь, выдавать себя нельзя. Арон и Людо шли медленно, делая вид, что разглядывают витрины лавок, и только когда отошли достаточно далеко – расхохотались:

– А я и не знал, что ты так умеешь! – восхищенно заявил Людо. – Ловко! Где научился?

– Если тебе денег не дают, то не такому научишься, – смеясь, ответил Арон.

У мамы Арон деньги воровать опасался, она считала каждый медяк, и у нее всегда все было аккуратно записано. А вот у слуг – пожалуйста, тем более что слуги вечно думали друг на друга, и им в голову не приходило, что это сын их госпожи таскает монеты. А кладовая? Там всегда есть чем поживиться – яблоки, пастила, изюм... Всего-то и надо – ночью вытащить из маминого стола ключ. Арон наловчился делать это все тихо, так что его ни разу не поймали.

Он с гордостью пересказывал Людо свои ночные вылазки, пока они шли по узкому переулку, с одной стороны которого тянулась высокая кирпичная стена без окон. Булка приятной тяжестью осела в желудке, выглянувшее солнце припекало затылок, и жизнь была прекрасна.

– Киньте монетку калеке...

Арон даже подпрыгнул от неожиданности. Поморгал: тонкий голосок доносился от кучи ветоши, набросанной у стены. Но оказалось, что это не ветошь, а какой-то бродяга, сидящий там, укрывшийся лохмотьями с вшитыми яркими лоскутами. В этой странной «одежде» он был похож на шута.

– Нет ничего, – бросил Людо, и они пошли дальше, но в спину им ударило:

– Воры! Думаете, не знаю? Думаете, не вижу? Обмануть хотели Эрме-Ворона, а?

Арон остановился. Оглянулся. Бесформенная куча тряпья медленно принимала очертания: из нее выросли две покрасневшие руки – точно лапы, появилось бледное, заросшее бородой лицо с носом огромным и красным, как гриб, рот искривился в усмешке.

– Эй, он дразнит. – Людо дернул Арона за рукав.

– Ничего ты не знаешь, старикан, – буркнул Арон, резко отталкивая руку друга. От старика остро пахло лисьей норой: кровью, зверем. В Файоссе, в доме дяди, он часто ходил искать эти норы, выкуривал оттуда лисиц и вытаскивал лисят.

– Я знаю, что ты сдохнешь в море. – Растрескавшиеся губы старика растянулись в жутковатой улыбке, обнажая желтые, но крепкие зубы. Глаза у него тоже были желтые, янтарные, птичьи. Борода топорщилась вперед и шевелилась от вшей.

Людо тянул друга прочь, но Арон не двигался. Потом медленно наклонился к земле, взял камень.

– Если кто сдохнет, так это ты.

Камень ударился о стену, и старик захохотал.

– Да что ты творишь! Пошли! – голос Людо звучал как будто в отдалении.

Горячая волна гнева разлилась от затылка до пят. Арон сжал кулаки.

Еще один камень пролетел мимо цели, и смех старика стал еще громче, как будто кто-то выбивал дробь на барабанах.

– Ну! Сопляк! Кинь еще! – глумился сумасшедший, и его желтые глаза сверкали. – Мазила!

Камень. Еще один. Еще.

Последний попал старику в живот. Тот согнулся, выкрикнул что-то резкое и тут же выпрямился.

Но у Арона уже были полные руки камней, и он бросал их, бросал, пока старик сперва просто пытался увернуться, потом – защититься руками, потом – убежать, уползти, цепляясь за стену. Арон бежал за ним, и камни летели в цель.

– Что, ворон, улететь-то не можешь? – кричал ему вдогонку Арон.

Но старик хохотал в ответ, вопил, что он Эрме-Ворон, что Арон умрет. И вся его семья умрет. И весь этот вонючий мерзкий город передохнет от чумы и проказы. Запах лисьего логова кружил голову и делал мысли смутными, нечеткими.

– Перестань! – Людо хоть и был слабее него, но с такой силой рванул Арона к себе, что тот чуть не упал. Это дало пару мгновений Эрме, и тот скрылся в темноте одного из проулков, откуда навстречу мальчишкам выскочила огромная – с собаку – крыса. Она встала на задние лапы, понюхала воздух и побежала прочь.

– Ты знаешь, что будет, если убить Эрме-Ворона? – Арон не говорил – злобно шипел. – Его силу получишь, вот что! А теперь – что? Теперь мы с носом, он сбежал, превратится в птицу – и поминай как звали.

– Может, его силу нам даст это? – Людо протянул Арону что-то небольшое, прямоугольное. Книга. Она ухмылялась кожаным переплетом, поблескивала бронзой, как воин – доспехами. Видно, старикашка потерял ее, когда улепетывал.

Эта книга долго ждала, когда ее возьмут в руки.

Когда ее прочтут.

– Всего три медяка! Три медяка – и вы сможете увидеть прекраснейшие и знаменитейшие башни Дарреи! Узреть Поющий фонтан и загадать желание в Древоликом лесу! Три медяка! Мост Тинно и площадь Сорока Повешенных! Три...

Пронзительные вопли уличного зазывалы липли, как грязь: хочешь отодрать, а не получается. Саадар даже головой потряс – до чего же мерзко кричал этот пройдоха! Будто по металлу скреб ногтями. Зачем платить ему деньги, Саадар не понимал: посмотреть на башни можно было и бесплатно, а в Жемчужное кольцо, где жили богатеи, без нужной бумаги не пускали. Вряд ли такая бумага имелась у этого горлопана.

Но чем ближе Саадар подходил к Застенью, где обитал, тем реже встречались такие зазывалы.

Здесь, на кривых улицах без названий, куда больше было нищих и бродяг. Они сидели у обшарпанных стен домов, завернувшись в свои лохмотья, и просили подаяние у сердобольных горожан. Некоторые выставляли напоказ язвы и нарывы, страшные гнойные раны, изжелта-красные, с запекшейся сукровицей, на которых гроздьями висели жирные мухи. Одни простирали руки и хрипели что-то неразборчивое, другие грозились концом света, третьи выли и жалова-

лись на свою судьбу. Калеки, юродивые, бродяги – тут всем им было раздолье.

Именно здесь и начиналось Застенье: грязь, помои, уличные мальчишки с голодными и злыми глазами, старухи с отвратительными лицами, женщины в ярких обносках, выстав- ляющие напоказ свое тело. И – могучий смрад от реки, от ду- билен, от порта.

Саадар оглянулся на оставленные позади светлые улицы Бронзового и Железного колец. Не очень-то беспокоятся са- новные господа о таких вот выгребных ямах, тут и стража-то лишний раз не пройдет. А вот ему выбирать не приходится – на хорошую комнату деньги еще заработать надо.

Он остановился напротив дома, где снимал угол под самой дырявой крышей.

Из полуподвального оконца кабака скудный свет падал на подгнивший деревянный настил. Внутри, в слоистом та- бачном дыму, пили и дрались, играли в кости и снова пили. Пьяные выкрики долетали до него, приглушенные звонким стуком дождя.

В низкий зал набилось множество разного люда, было шумно, дым стлался под потолком. В огромном очаге жарил- ся на вертеле поросенок, истекая жиром. Могучая смесь за- пахов жарящегося мяса, чада, пота и немытых тел оседала сальным послевкусием на языке.

Саадар протиснулся в самый конец, где было чуть свобод- нее, нашел себе местечко за столом. С сожалением расстался

с несколькими монетами. Хорошо хоть, еда оказалась вполне сносной, не подгорелой и не жесткой, щедро залитой чесночной подливкой – видать, мясо несвежее или вовсе не свинина, а собачатина – и то в лучшем случае...

Он ел, но краем глаза следил за тем, что творится вокруг. Слушал разговоры. Возможно, узнает чего интересное: задерживаться на стройке он не собирался. Платили там действительно скудно, и все деньги уходили на оплату коммунашки да на немудрящую еду. Саадар же надеялся на занятие более привычное – наняться в охрану или, может, вместо какого-нибудь мальчишки ввязаться в драку на шпагах или пистолетах. Но двое соседей, что орали громче остальных, обсуждали какие-то другие дела.

– Мерзкая работенка, я тебе скажу. Целый день говно это за собаками собирать. Зато платят в дубильнях хорошо. Не жалуюсь! Раз в каждое пятидневье хожу Маллару молитву вознести. И новый сюртук купил себе!

– Это чего. Работка как работка. А мне приходится трупы вылавливать из каналов. Слышал? Вчера троих туда... Важные шишки были. А все – того!

Оба захохотали, едва ли не согнувшись пополам.

– А что, не боишься, что «Рука» тебя словит и тоже – того? Говорят, в прошлое пятидневье эти ребята резню устроили. Из сточных труб дерьмо текло пополам с кровищей.

– Я их не видал, – протянул тот, что рассказывал про трупы. – Байки это.

– И город? Который в катакомбах? Тож не видал?

Его собеседник разочарованно что-то промычал в ответ.

Но Саадару стало интересно. Про катакомбы и на стройке болтали: что, мол, в этих катакомбах люди живут. Беглые преступники, каторжники. В это Саадар верил охотно – где-то ведь надо всем им обитать? А Застенье и так кишело ворами да попрошайками, как плащ бродяги – блохами.

Еще говорили – и уж на это он только смеялся, – что живут там оборотни. И другая нечисть. И вся она под городом, под этими красивыми дворцами и виллами сенаторов, только и ждет случая, когда можно будет полезть отовсюду, из каждой дыры.

– Эй, приятель, сыграть с нами не хочешь? – К нему обернулся один из тех двоих. Наверное, увидел, что он слушает. Или просто совпадение...

– Во что? – без особого интереса спросил Саадар.

– В кости.

Не успел он оглянуться, как младший из них – рыжий с перебитым носом – уже доставал затертые кости и карты. Второй – лысый – ухмылялся.

Удача сама шла в руки. Саадар чувал это. Еще пятидневье назад он неприкаянно шатался по городу, а теперь – и работу нашел, и лишняя монетка имелась.

А удачу – хитрую Ретту – надо было ловить за хвост.

– Давайте, чего б не сыграть! Дело!

Саадар нарочно говорил, как будто уже захмелел, хотя

зорко следил за тем, что делают те двое.

– А ты, никак, ветеран? – спросил лысый. – Что, небось, хорошо вам сейчас? На казенных харчах? Сенат вам пенсию немалую положил, а?

– Угу, – кивнул Саадар. Пенсия! Он усмехнулся про себя. Если жалкую выплату, которую он получил, уходя из армии, можно назвать пенсией...

Сенат врал. И самое худшее, что ему верили. Разумеется, верили, ведь Рутен слишком далеко, а возвращались оттуда слишком немногие... Сенату удобно называть ту войну освободительной и праведной, хотя не было ни того ни другого. Врал Сенат о том, что заставило командармов отозвать солдат с полей сражений. Врал о рутенских мятежниках, за которыми встал призрак далекой, но почти всесильной Алмарры с ее воинами-магами. Об оружии, которое этот призрак им дал.

Не было у рутенцев никакого иного оружия кроме собственной храбрости и умелых командиров, и родной земли под ногами.

– Ну вы и храбрецы! Баба твоя гордится, небось? Что ты Рутен прошел? – Лысый хлопнул его по спине, выражая одобрение.

– Угу, – кивнул Саадар. И сжал кулак. Но лысый то ли не заметил, то ли решил, что это ничего не значит. И продолжил:

– И я бы пошел, но туда кого попало не брали! А ты,

я смотрю, шишкой был?

Саадар запоздало вспомнил, что не подумал снять медные бляхи с ремня.

– Угу. Мой ход.

– Чой-то ты неразговорчивый! – хохотнул лысый.

– Я не любитель болтать. – Саадар кинул кости. – Тем более о Рутене. Так что извиняйте.

Ему не везло – три медяка уже ушли лысому. А тот, опьяненный вином и удачей, не хотел молчать.

– А давай-ка это... Споем! А? Ты же знаешь песню солдатскую! Как там – «и порастут поля сраже-ний желтоцвето-о-ом! И солнце будет греть, как со-о-отни лет наза-ад...»

Саадара как будто ударило в самое солнечное сплетение. Не думал он, что и здесь, в Даррее, поют эту песню. Случайность?

...Дымок костра, сухой и горьковатый запах трав, искры летят высоко в темное небо. За спиной – разговоры, песни, смех. Варится похлебка в походном котле у полевой кухни, хлопает полотнище палатки.

А рядом – лица друзей: Аме Риата, Корина Мако, Закари Медведя. Хмурые, веселые, усталые – сидят они вокруг походного костра. Аме Риат поет – сначала, как обычно, веселые и неприличные песенки из городских предместий, на которые все отзываются взрывами хохота, затем – их любимую.

Сердце каждого из них бередают эти слова, в каждой душе прорастают они. Каждый вспоминает под них свою нехит-

рую историю: полуголодное детство, тяжелую работу в каменоломнях или на рудниках, армию... Первую кровь и глаза врагов, когда всаживали им штык в грудь или подрубали мушкетными пулями, как снопы сена – серпом. Глаза женщин, с которыми спали, греясь холодными ночами в объятиях тех, чьи имена не спрашивали. Переходы под дождем и в зной, битвы и вот такие же походные костры.

– Когда-нибудь все войны отгремят, и порастут поля сражений желтоцветом...

Все погибли. И Аме, и Корин, и Закари, и множество других, тех, кого он знал, с кем делил хлеб, с кем шел в бой, праздновал победы и смеялся над поражениями. Только ему одному – глупому – повезло.

– А что, много ты этих алмаррцев вшивых порешал? – Лысый как будто понял, о чем Саадар думает.

– Много.

Саадар молча кинул кости – и в этот раз Ретта взмахом хвоста принесла ему удачу. Но лысый не расстроился:

– Уважаю! Жарить их, как собак! Чтоб кишки наружу, и чтобы они в собственном дерьме захлебнулись!

Тяжелый кулак врезался в грязную столешницу – со стуком подскочили кружки. Саадар поднялся. Гнев закипал в нем медленно, но неотвратимо.

– Любой алмаррский мальчишка выпустил бы из тебя кишки, даже не подходя на десять шагов. А мы... Труссы! Сунулись рылом куда не следует. И получили. Ха! Хоро-

шо получили, крепко нам под зад дали! Трусливые задницы, вот мы кто!

Только сейчас лысый понял, что сболтнул лишнего. Побледнел, и губы его задрожали.

– Эй-эй, солдатик, я ж того... не хотел. Прости дурака!

Но рыжий, уже изрядно пьяный, выкрикнул невпопад:

– Слава Республике!

Саадар сгреб со стола выигранные деньги. Сунул их за пазуху. И схватил рыжего за грудки.

– Все, – твердо сказал он.

Лицо рыжего вытянулось еще больше, приобретя сходство с лошадиной мордой.

– Эй-эй, я свое не отыграл еще!..

– Не нарывайся. Я сказал – значит, все.

– Это ты нарываешься, солдатик! – завопил рыжий, пока его дружок пытался убратъся подальше. Видя, что от драки не уйти, Саадар криво ухмыльнулся.

– Эй, мужики, машите кулаками на улице! – Хозяин трактира встал рядом, за его спиной топтался здоровенный вышибала. Надо было уходить.

– Поговорим? – Рыжий глянул зло.

– Поговорим.

Они вышли под дождь. И там весь боевой задор приятелей сразу как-то протух.

Оставалось только смотреть, как они пробормотали что-то вроде: «Ах ты, сукин сын, вояка рехнувшийся», – и бро-

сились наутек.

Часы на башне Канцелярии пробили час пополудни, и Арон вздрогнул, хоть и ждал ударов колокола. Он стоял за поворотом коридора, прислушиваясь к дому. На глухие удары дом отзывался тишиной.

Там, за поворотом – кабинет, в котором мама хранит ключи ото всех комнат. И, разумеется, ему туда входить запрещено. Но ему очень нужен ключ от чердака, и поэтому – стоит рискнуть!

В десять мама заходила пожелать ему спокойной ночи, и Арон нетерпеливо наблюдал за ней из-под полуопущенных ресниц, мечтая, чтобы она скорее ушла и оставила его наедине с книгой, что лежит под кроватью.

Книга жгла его, и пальцы ныли от желания наконец раскрыть ее и прочесть.

Еще немного, шептал одними губами Арон. Совсем чуть-чуть. Осталось лишь пробраться в кабинет и вытащить ключ из стола. Как он делал не раз.

Из-под двери не видно было света, значит, мама давно ушла спать. Арон подобрался поближе, рывком, чтобы не шуметь, открыл створку – и обмер.

Свечи не горели, но лунного света было достаточно, чтобы рассмотреть, что мама уснула прямо здесь, за своим столом, уронив голову на скрещенные руки.

Арона прошиб пот, и рубашка прилипла к спине. Почему мама здесь?! Если она проснется и увидит...

Раз. Два. Три. Арон считал удары сердца, выстукивающего дикий танец. Десять. Одиннадцать. Мама не просыпалась.

Арон досчитал до тридцати – и все-таки решился подойти ближе. Во всяком случае, он всегда сможет сделать вид, что зашел случайно. Он шел на цыпочках, стараясь не наступить на скрипучие паркетины. Каждый шаг был прыжком через лаву.

Связка ключей лежала на столе, слабо поблескивая в лунном сиянии. Может, ну его, этот чердак? Но Арон сразу же сказал себе: если хочешь колдовать по-настоящему – колдуй в самом подходящем месте. В подвал мог заявиться Эрин за вином, или сыром, или еще чем, так что лучше чердака не было ничего.

Тихо, чтобы не выдать себя, он потянулся к столу. Несколько страшных мгновений он боялся, что заденет письменный прибор или поднос с чашкой, тот упадет с невероятным грохотом... Но обошлось. И связка ключей оказалась в ладони.

Арон облегченно выдохнул. Теперь нужно было найти ключ от чердака – грубый, потемневший от времени, с двумя зубцами, и снять его с кольца. Арон так же тихо занялся этим, от напряжения прикусив язык.

И вдруг – мама вздохнула во сне, пошевелившись, и что-то упало со стола, линейка или грифель. Арон по-

пятился и чуть не уронил всю связку. Но мама спала очень крепко, и во сне ее лицо казалось не таким строгим, как обычно. Сердце колотилось как безумное. А вдруг войдет Эрин или Мэй? От этой мысли руки совсем ослабели и вспотели, а коленки подкашивались. Но наконец – удача! Арон снял ключ и, выйдя за дверь, понесся по коридору в свою комнату так, будто за ним гнался сам Безликий.

У себя он сразу же бросился к кровати. Книга звала его. Она была надежно спрятана, и Арон стал шарить под кроватью рукой, но пальцы его ловили густую паутину и воздух.

Пропала! А может, мама уже нашла ее и выкинула? Или еще хуже – сожгла! Она ничего не понимает в магии, так что могла и сжечь! И тогда сила Эрме-Ворона станет пеплом... А ему так нужна эта сила!.. Испробовать, узнать, понять!

Он полез под кровать. Где-то далеко, на башне Канцелярии, часы пробили четверть второго. Арон дернулся и больно ударился макушкой о перекладины. Но вот она, книга – в самом углу, зажата между матрасом и стеной. Арон нащупал ее и схватил, вцепился так, будто тонул.

И почти сразу же под окном ухнула сова – целых три раза. Чихая от пыли и стряхивая с волос паутину, Арон подошел к окну и раскрыл створки пошире.

– Людо?

– Я думал, ваша псина меня сожрет, но потом я дал ей мяса, и она убралась, – ворчливо ответила ему темнота. –

Чего так долго? Уговорились же в час!

– Скорее лезь! – зашипел Арон. – Потом расскажу.

Зашуршало снаружи, Людо пару раз ойкнул, но наконец его макушка показалась над подоконником, и Арон протянул ему руку.

Людо ввалился в комнату – перебудил весь дом, наверное!..

– Принес? – Арон уже забыл обо всех своих страхах, и ему не терпелось поскорее начать читать заклинания Эрме-Ворона.

– Угу, еле стащил. – Людо раскрыл сумку и вынул маленький фонарь со свечой.

– Не боишься?

– Немного.

– И я. Идем! – И Арон потянул его в коридор.

– А слуги? – опасливо шепнул Людо, как будто боялся спугнуть чью-то тень.

Арон оглянулся, прислушался к дому – дом мирно дремал, обманчиво-тихий, но где-то в глубине дышат огнем печи, булькает вода в котлах, поскрипывают половицы, под которыми – мыши и сверчки, где-то бьется неутомонное сердце, замирающее лишь глубокой ночью.

– Спят! – таким же шепотом ответил Арон. – Не бойся. Они все старые. Ну, кроме Мэй, но она любит спать и вообще трусиха жуткая. Нас никто не увидит!

Он подумал, что может проснуться мама, и вдруг ей при-

дет в голову зайти к нему в комнату... От этой мысли Арону стало не по себе, но идти назад было поздно.

Лестница на чердак нашлась не сразу – Арон долго не мог вспомнить, за какой из деревянных панелей скрывается неприметная дверца.

Замок, похоже, прижавел, и скрежет по металлу, казалось, раздается на весь дом. Но наконец Арон справился с затвором.

– Смотри, – торжественно произнес он и создал из воздуха крохотный огонек, которым поджег свечу.

– Ого. Сила.

Арон усмехнулся ноткам зависти в голосе друга – весь вечер тренировался создавать огонь!

Они прикрыли дверь и полезли вверх, по узким скрипучим лестницам, туда, где никто их не достанет, где никого нет, кроме пауков и летучих мышей.

И очень скоро они стояли посреди чердака во весь рост, скрестив на груди руки и вдыхая сухие и тонкие запахи пыли, старого дерева, слежавшегося полотна. Тысячи прошедших дней хранились тут, спрятанные в разохшиеся древние сундуки, ящики и мешки. Этот уголок дома был полон временем и воспоминаниями.

– Здесь? – спросил Людо. Пыль украла его звонкий голос, сделала глуше, взрослее.

Чердак тянулся через весь дом, уходил в темноту, огромный, похожий на извилистую пещеру, наполненную драко-

ньими сокровищами. Только сокровища эти были никому не нужны.

Но как ни силен был соблазн броситься в этот тоннель с криками и смехом, и чтобы во все стороны – пыль, чтобы пауки спасались бегством, а летучие мыши носились под самой крышей, Арон помнил про книгу. И про то, зачем они сюда пришли – доказать, что он, Арон Элберт, настоящий маг и умеет не только свечи поджигать.

– Перестань! – Он дернул Людо за руку, когда тот стал рыться в сундуке, копаясь в каких-то почти истлевших тряпках. – Это потом!

– Смотри-ка! – Не обращая на Арона внимания, Людо выудил из сундука старый холст без рамы. – Этот на тебя похож!

Он хотел было сразу же подрисовать кусочком угля роскошные, заливчатски загибающиеся кверху усы и повязку через глаз, но Арон отобрал у него портрет.

Мужчина в доспехах глянул пристально и тяжело, будто знал Арона. Этот взгляд Арону не понравился, и он забросил портрет подальше в сторону.

– Ну. Какое заклинание попробуем?

Людо пожал плечами. И по его испуганному лицу стало ясно: боится.

– Знаешь, что? Если страшно – иди домой!

– Еще чего! – Людо немного помялся. – Только у тебя не выйдет! Эрме был сильным, очень сильным! У тебя такой

силы нет! Ты не сможешь! Тебя вон даже в школу Служения не взяли!

В самое сердце Арона – огненным копьем – попали его слова. Вывернули все внутри.

Не взяли! А он и рад! Зачем ему эта школа? Молиться весь день и помирать от скуки?.. Никакая школа ему не нужна, потому что он сам возьмет силу Эрме-Ворона. Сам!

Молча Арон открыл книгу на нужной странице – даже не перелистывая, книга легла так, как надо, как верный пес, подставляющий бок, чтобы его погладили.

Это было заклинание призыва чужой души.

Что-то неуловимо изменилось вокруг: вроде тот же отблеск фонаря лежит на странице в мелких крючках-буковках, но более тусклый, чем рядом, на полу. Пылинки в луче света над ней как будто мерцают. А тень от книги темнее и гуще, чем от других предметов.

Кончики пальцев холодеют, их начинает будто иголками покалывать.

Старинный доспех скалится из угла. Это доспех из кожи и металлических пластин, его носил какой-то прадед, надевал в бой, и доспех выглядит старым и истрепанным.

Доспех отлично подходит для того, чтобы призвать душу прадеда.

Арон берет кусок угля – специально запрятал для этого дела – и начинает рисовать прямо поверх металла знаки, которые изображены в книге. Перерисовывает их старательно,

каждую черточку, каждую точку. И под пальцами они становятся красные, набухшие, толстые, как дождевые черви.

Последняя линия. Людо за спиной притаился, не дышит, и они ждут, считая: один, два, три... десять. Двадцать. Ничего не происходит, все тихо, только где-то шебуршатся мыши.

Разочарование льется за шиворот холодной липкой стружкой, бьет в живот, душит. Но Арон не показывает, что задет, только вскидывает подбородок и усмехается:

– Наверное, это какой-то не такой ритуал!

– А ты уверен?.. – насмешливо откликается Людо.

Линии все еще светятся красным, но тускло, как угасающие угли. Пахнет чем-то пригоревшим, горьковатым и душным, запах лезет в нос, становится гуще и гуще. Откуда-то тянет сырой землей.

Все до одного волоски на коже встают дыбом.

Арон пятится за какой-то сундук, и вдруг пустой доспех с грохотом оседает на пол, пытается подняться, но падает – плохо закрепленные наручи и кираса отваливаются, и шлем катится, подскакивая, по доскам.

От шлема ползет тень, она ширится, заключая в себя пыльное пространство, лезет, как мерзкое варево из котла – темными пузырчатыми потеками.

Арон пытается бежать, но спотыкается обо что-то и падает. Резкая боль втыкается в голову, и перед глазами пляшут золотые искры, пробивающие темноту. Он поднимается с грязного пола, слизывая с губ пыль пополам с кровью.

Людо тихо стонет рядом, пятясь с фонарем к двери, как рак. У него разбит нос. Не раздумывая, Арон хватает его за руку, рывок – и в несколько прыжков они оказываются на лестнице, скатываются с нее кубарем – фонарь гаснет – и истошно вопят.

Дом сразу же просыпается, как встревоженный улей. В комнатах второго этажа звучат шаги и голоса.

Арон и Людо несутся в темноте, не разбирая дороги, и вдруг – вспышка света и кто-то преграждает им путь.

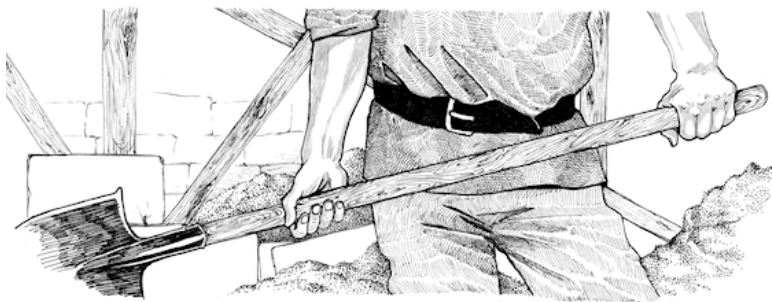
– Так. Меньше всего я ожидала увидеть здесь посреди ночи сына господина Хогга. Арон, изволь объяснить, что тут происходит.

Арон поднимает голову и видит над собой суровое лицо матери.

Часть вторая

Фундамент

1

Прошло пять или шесть дней с тех пор, как Саадар начал работать на стройке, и за это время он совсем привык и к работе, и к людям, что его окружали. Работа была тяжелой, но несложной: поднимать вверх, на стены, каменные блоки, а там каменщики укладывали их в ряд и скрепляли между собой раствором и железными скобами.

Люди же были разными, но все они – кузнецы, резчики, плотники, землекопы – напоминали Саадару военных: с первого взгляда жизнь большой стройки казалась суетной и бес-

порядочной, но это была четко выстроенная жизнь, подчиненная точному, выверенному плану.

Совсем как в армии, усмехался про себя Саадар.

И, как в армии, были здесь самоуверенные и излишне требовательные мастера, готовые загнобить за любую провинность. Были дерзкие и заносчивые подмастерья-лизоблюды, старающиеся насолить друг другу и выслужиться перед теми, кто выше их. Были простые работяги, такие, как он сам, стремящиеся лишь заработать на хлеб.

И Саадар диву давался, как умудряется госпожа Элберт всем этим заправлять, да так, что после той истории с мастером Каффи никто и пикнуть не смел в ее присутствии, хотя на генерала Томмена Айво она похожа и не была.

Но вот в отсутствие госпожи Элберт говорили всякое.

Саадар как раз шел на обед вдоль восточной стены, когда наткнулся на группку молодых подмастерьев, ржущих что кони. Один парень так и вовсе сгибался пополам.

– Эй, Саадар, глянь-ка, – подозвал его один из них. – Видал, что намалевали?

Саадар прищурился, рассматривая пятно на стене. Издалека показалось, что нарисованы две собаки, но, как только он подошел ближе, пятно превратилось в непотребное изображение женщины и мужчины. В женщине легко узнавалась госпожа Элберт. Нарисовано было со знанием дела, почти как на тех картинках, что продают в Застенье за несколько медяков.

– Министр Айхавен и его подстилка, – с готовностью пояснил подмастерье и снова согнулся в три погибели. – Согревает его вместо женушки зимними ночами!

– Эх, меня б согрела! Вот это сиськи, а? – поддержал его приятель, с хохотом показывая на себе, какого размера, по его мнению, грудь госпожи Элберт. – Все бы отдал, чтобы такие пощупать!

– Ты их пощупаешь, а она тебя за это зарежет, – усмехнулся третий. – Как муженька своего зарезала. Не про тебя такая баба.

К ним подошли еще двое строителей. Один, постарше, из резчиков, неодобрительно покачал головой:

– Чего зубы скалите? Похабных картинок не видели?

– Таких – не видели! – смеялись в ответ подмастерья. – Эк Айхавен ее... Хорош он – сваи-то вбивать!

– И молотом по наковальне!..

– А вы хороши трепаться попусту! – осадил их резчик, но подмастерья не унимались, и Саадар узнал, что Тильда Элберт страшная ведьма, продажная шлюха и воплощение самого Безликого. Кто-то говорил, что она задушила мужа, кто-то – что пырнула его кинжалом, а может, отравила или наслала проклятие. А потом прикарманила себе все его денежки и живет припеваючи. Крутит шашни с министрами и спит чуть ли не с каждым сенатором. Ну, и понятно, ест на золоте. Ни чести, ни совести, ни порядочности у нее, разумеется, не было и в помине.

– Вы бы свои рты вонючие закрыли, а то говно валится! – не вытерпел Саадар. – Что вы как бабы базарные!

– А то что?

– А то я не в ответе за свой кулак.

Саадар не терпел такой вот болтовни за спиной: если хочешь что-то сказать – говори в лицо.

– Что, понравилась тебе госпожа подстилка? – насмешливо глянул на него один из парней.

– Тебе сейчас зубы свои жрать понравится.

Подмастерье осекся, лицо его резко изменилось. Саадар был крупнее и сильнее, и вряд ли кто-то сомневался в его умении обращаться с ножом.

– Чего вы тут бездельем маетесь? Работы нет? – Позади возник мастер Руфус, старший по должности после арестованного Мартина Каффи. Посмотрел на стену и сказал только: – Стереть. А ты, – он указал на Саадара, – пойдешь сейчас к госпоже Элберт и заберешь у нее ящик с заготовками и бумаги.

Подмастерья заготовали, как стая гусаков. А Саадар только пожал плечами. Надо – так заберет.

Мастер Руфус вручил ему записку и пропуск в Жемчужное кольцо, объяснил, как найти дом госпожи Элберт, и ушел – его позвали куда-то на другой конец строительной площадки.

– Ну что, сам напросился! – ядовито хихикнул за его спиной кто-то из подмастерьев. – Смотри, как бы она тебе чего

не откусила!

– Чего пониже пупка!

– А может, тебе повезет, и она тебе не откусит, а даст чего...

– Скажи ей, чтобы и мне дала!..

– Заткнись! – рявкнул Саадар и схватил за грудки того самого подмастерья, что зубоскалил больше всех, и встряхнул – как мешок картошки.

– Мр-разь!.. – заорал парень, пытаясь вырваться.

Вокруг них собралась небольшая толпа, строители вовсю глазели на Саадара. Но он не смутился – оглядел собравшихся и еще раз встряхнул парня, уже и не сопротивлявшегося.

– Смотри, мальчишка, как бы голову не открутили, пока ты о людях дурное болтаешь! Ну-ка, повтори. Что ты там такое говорил?.. Язык проглотил? Ну-ну. Словами бросаться каждый из вас горазд. – Саадар сплюнул, показывая свое отношение к ним. – Сопляки!

Тем же мешком картошки подмастерье упал на землю.

А Саадар, не оглядываясь, широким шагом направился в сторону улицы, что вела к воротам в Жемчужное кольцо.

Он шел быстро, чтобы успокоиться, чтобы прохладный ветер остудил разгоряченное лицо. И думал об услышанном – правда ли то, что наплели эти мальчишки. Слишком уж страшной они рисовали госпожу Элберт в своих рассказах, хотя слухи всегда делают чудовищ из людей. Могла ли быть чудовищем госпожа Элберт, Саадар не знал, но знал,

какими бывают ниархи – чересчур гордыми и высокомерными, не знающими жалости и не способными на крошку доброты.

Стража у ворот Грифона посмотрела на него косо, но пропустила, несколько раз проверив пропуск. Они бы его и на зуб попробовали, будь пропуск на деревянной или металлической пластинке, а не на бумаге.

И как-то сразу объяснение мастера Руфуса вылетело из головы, только Саадар оказался за воротами – слишком много зелени и цветов, каких-то статуй, фонтанов, высоких кованых оград... Захотелось поскорее убраться отсюда, да хоть назад в Застенье, к закопченным домишкам, лезущим друг на друга, как опята на пне, к отбросам и сточным канавам. Лишь бы подальше ото всей этой чистоты и роскоши.

Широкие улицы подавляли и запутывали. Саадар никак не мог вспомнить – два поворота налево после ворот? Или один – налево, а другой – направо?

Все казалось одинаковым. Заборы, заборы – высокие, в два, три человеческих роста, кипарисы и буйная зелень, ряды сверкающих стеклами особняков, а на улицах – почти никого.

Несколько раз Саадар стучался в задние калитки – но с ним даже говорить не стали. А важные господа, у которых он пытался спросить дорогу, смотрели на него презрительно и надменно.

Когда он в третий раз вышел к фонтану на небольшой пло-

щади, от досады на себя Саадар готов был плюнуть на все и вернуться на стройку. Он опустился на мраморный бортик, чтобы передохнуть – пока он тут бродил, прошло немало времени. Да еще и дождь начался. И вдруг Саадар увидел проходящего мимо человека, что катил перед собой тележку со всевозможными щетками. Саадар обрадовался ему, как старому знакомому.

– Особняк Элбертов? – почесал тот в затылке на заданный Саадаром вопрос. – Вон туда, прямо, и третий дом по правой стороне. Видишь, красная крыша с тремя трубами? Вот за ней. Там еще ворота такие, зеленые, с птицей.

Саадар поблагодарил дворника и зашагал в указанном направлении.

Он попытался представить, каким окажется дом госпожи Элберт – в конце концов, она мастер-архитектор, дом у нее наверняка самый красивый в округе. Или самый необычный. Или то и другое разом.

Задумавшись, он прошел мимо ворот с птицей. Вернулся. Вот особняк с красной крышей, вот зеленые ворота, за которыми – темные стены и сад в глубине.

Перед ним был вовсе не роскошный дворец, который Саадар себе представлял, а мрачный кирпичный дом, потемневший от времени.

Его впустил во двор старый слуга и приказал ждать у заднего входа. Саадар оглядывался: часть дома явно была нежилой – на окнах заколочены ставни. Мох разросся в стыках

между кирпичами. Каретный сарай в глубине двора явно пустует. Но крыльцо крепкое, видно, по мере сил за домом следят. Вон и цветы у крыльца, и апельсиновое деревце в кадке.

И все же – слишком тут мрачно, особенно сейчас, когда идет дождь.

– Вот дела... – протянул Саадар под нос, стягивая старую шляпу и привычно ероша короткие волосы.

– Ну, чего столбом встал? Пошли, госпожа тебя ждет! – окликнул его тот же привратник. – Вон, по дорожке прямо, мастерская там.

Он что-то проворчал себе под нос и, едва переставляя ноги, побрел через двор в другую сторону.

– Вот дела... – растерянно повторил Саадар. Он обогнул дом, идя куда указали.

Наконец за мокрыми кустами самшита и лавра он увидел кирпичную пристройку с высокими окнами, раскрытыми в сад, и распахнутой настежь дверью.

Там, склонившись над столом, стояла госпожа Элберт и что-то сосредоточенно вырезала из дерева. Саадар остановился, пораженный этим: он ожидал увидеть ее с книгой или бумагами, с вышиванием, на худой конец! В наряде из тех, что носят тут, в столице, в окружении слуг, но вовсе не в одиночестве и за работой.

Разное болтали о госпоже Элберт на стройке, но единственное, что было правдой – никто этой правды не знал. А женщина в коричневом платье и переднике совсем не по-

ходила ни на страшную ведьму, ни на ниарха, имеющего дом в Жемчужном кольце и голос в Сенате.

Но она так увлеченно работала, что Саадар замер, засмотревшись.

– Эй ты, трусливый таракан!

Слова летели вслед, как камни, больно ударялись в затылок, били в виски. От каждого слова Арон дергался, стискивал зубы, но старался не оборачиваться, не смотреть назад. Он знал, что сзади идет Рори, что он всего лишь дразнит его, смеется. Но чувствовал, как горят уши и кровь приливает к щекам, и становится жарко.

– Видите? Таракан хочет спрятаться! – голос Рори стал резче и громче.

Они шли следом, но не очень-то и спешили, уверенные, что Арон не сможет от них ускользнуть. Улица никуда не сворачивала, а до дома идти еще далеко. Может, они отстанут?..

Но Арон чуял – не отстанут. Он слышал смех за спиной и кусал губу. Надо решаться. Их там человек пять, не меньше, и все, кроме Людо, – старше него на два года. Высокие и крепкие.

Их взгляды, их насмешки будто прожигали в спине дыру, и спина невыносимо чесалась оттого, что они смотрят.

Была бы с ним книга Эрме-Ворона! Но книга осталась на чердаке, и Арон так и не решился полезть туда снова. А то он бы показал им, на что способен! У них-то никакой силы нет! Обычные мальчишки. А он, если захочет, станет та-

ким же сильным, как Эрме!

– Эй!

Арон не оборачивался. Делал вид, что ему все равно.

– Что, бежать надумал? Трус, – Рори выплюнул это слово, как плюют косточками от вишни. – И вор.

– Отстань, – зло бросил Арон.

С двух сторон улицы тянулись глухие заборы – не убежать, не перелезть. Рори и его дружки настигали Арона.

Краем глаза Арон увидел, что Людо смотрит в сторону и медлит. Предатель! Испугался после той истории на чердаке! Арон развернулся к ним, решительно шагнул навстречу.

– Ну-ка, расскажи, как в твоём навозном хлеву живетcя? – Рори засмеялся.

– Хорошо живетcя, – буркнул Арон. – Не хуже, чем в твоём!

– То-то от тебя воняет, – тон Рори стал насмешливым. – Что, нравится дерьмо? Шлюхин сын.

Арон видел его злые глаза и тяжелый вздернутый подбородок. В ушах шумела кровь. «Убей», – шепнуло ему что-то темное за спиной и подтолкнуло вперед.

Арон бросился на Рори, и тот не успел отскочить.

– Только скажи еще что-нибудь! – кричал Арон. – И будешь ползать в своей блевотине и кровище!

Рори шлепнулся прямо в лужу, и Арон злорадно захохотал, глядя на то, как он пытается встать, но скользит и падает на мокрых камнях. Наконец он смог подняться. Даже сквозь

облепившую его лицо грязь было видно, как он покраснел, он силился сказать что-то – и не мог. Словно растерял все свои колкие, острые слова, обидные и жалящие.

– Ты. – Рори презрительно скривил губы. – Таракан.

И ударил Арона в лицо.

Острая боль обожгла, что-то хрустнуло. Во рту стало со-лоно, и Арон сплюнул кровь.

Прыгнул вперед, схватил, дернул, укусил в плечо, Рори взвыл – и они покатались клубком по земле, безжалостно лупя друг друга.

Удар в живот, в солнечное сплетение. Пинок под ребра. Арон согнулся пополам от острой боли, вонзившейся в тело.

– Чтоб ты сдох, Рори!.. – Арон захлебывается криком. Его бьют дружки Рори – со всех сторон сразу: по носу, по голове, по спине... Арон крутится, как ужаленный пес, пытается ударить в ответ – но мимо. Хватает чьи-то руки и ноги, встает, падает... Дерется отчаянно, но сил уже почти нет.

И слышит, как издалека, смех мальчишек и сдавленные вскрики Людо. Предатель...

Еще один удар в грудь. Перед глазами пляшут дикие огненные круги, мир вокруг темнеет. И вдруг эту темноту прорезает вспышка. Слова сами возникают и срываются с губ, и только прохрипев их, Арон понимает, что это были слова заклинания.

Это Эрме! Эрме-Ворон помогает ему!

– Чтоб вы все сдохли! – торжествующе кричит Арон,

за что получает удар куда-то в бок.

Он не видит мальчишек, но слышит, как они ругаются, вопят и стонут. А потом – топот ног и тишина.

Тишина заложила уши, камнем упав на сонную улицу.

Только через некоторое время Арон понял, что начался дождь. Он лежал, скрючившись, и боль пульсировала в руке барабанным ритмом. В голове шумело. И слабость не давала подняться.

Веки слиплись и опухли – кто-то здорово засадил ему в глаз. Арон мстительно подумал, что Рори тоже хорошо досталось, а может, тот и в штаны от страха наложил, когда увидел настоящую магию.

Настоящую... Значит – он все-таки обладает силой! Значит, ошибся старик Грегор!

С трудом Арон встал. Сколько идти до дома? Сто, двести шагов?... Дождь стоял стеной, и ничего не видно вокруг, кроме серо-зеленых пятен.

Мимо прогрохотал экипаж, обдав Арона грязными брызгами.

– С дороги! – крикнул возница, но из темноты кареты кто-то приказал ему придержать коней.

– Господин Элберт! – окликнули его, и Арон медленно повернул голову. Узнали! Сейчас потащат домой, а может, и драку видели... И тогда мама точно запрет его на всю жизнь под замком, чтобы мучился в компании задачек. Рассердится – и запрет! А если узнает еще, что колдовал, – от-

правит в Отречение, тут и думать не надо.

Он попробовал пойти быстрее, но ступать было больно.

Из кареты выглянуло остренькое личико Унны Моор, их соседки, очень-очень старой соседки... Она щурила подслеповатые глаза, вглядываясь в Арона. Про Унну Моор говорили, что она безумная.

– Как твоя матушка? – словно не замечая ни крови, ни разодранной грязной одежды, как ни в чем не бывало спросила госпожа Моор. – А брат? Он здоров? Слышала, сестра твоя уже вышла замуж...

Арон попятился. Шаг назад, еще и еще. От взгляда госпожи Моор сердце замерло, и Арон забыл, как дышать. Старуха смотрела на него, но видела сейчас кого-то другого, кого знала очень много лет назад, ведь у него не было ни сестер, ни братьев.

– Вы ошиблись, – пробормотал Арон.

– Гарольд, будь добр, передай матушке, что я загляну к ней на днях. – Унна Моор смотрела сквозь него. – Она обещала показать мне кружева из Мирита...

– Угу. – Арон кивнул, соглашаясь, чтобы поскорее от нее отелаться, и заковылял быстрее.

На этом Унна Моор потеряла к нему всякий интерес и приказала кучеру ехать дальше. Арон облегченно вздохнул. Повезло! Матери она ничего не расскажет. И если повезет еще раз, то он проберется домой незамеченным.

Вот и ворота с фениксом. И калитка сбоку, главное – неза-

метно пройти через двор и сад к заднему крыльцу...

И вдруг что-то потянулось к нему, что-то темное, похожее на щупальца. Оно пробовало на вкус его кровь, трогало руки и лицо. Эти прикосновения делали боль слабее. Сладкий до тошноты запах шибанул в нос.

Темнота сгустилась под ногами, липкая и холодная. Она приставала к голым лодыжкам – почему-то на левой ноге не было башмака. Темнота что-то шептала ему. Арон пытался вырваться из ее лап, но тень крепко держала его. Арон побежал – так быстро, как мог.

Колени подкашивались, дыхание сбилось, но позади сверкали чьи-то глаза-угли, рычание неслоь вслед, и Арон влетел во двор, как будто сам Безликий преследовал его. Не разбирая дороги, он мчался к крыльцу и совсем забыл о боли.

И не заметил, как врезался в человека, стоящего на веранде. Тот посмотрел на него грозно – огромный и страшный. И Арон окаменел, облитый ужасом.

– Здравствуй, госпожа.

Саадар сказал это тихо, но Тильда Элберт все же услышала. Она подняла голову, выпрямилась и посмотрела на него хмуро и сосредоточенно и как будто с молчаливым осуждением за то, что отвлек ее от работы.

– Здравствуй, – коротко и сухо ответила она и поправила шаль, к которой прицепились стружки. – Что у тебя?

– У меня – письмо. От мастера Руфуса. – Саадар решительно шагнул вперед, улыбаясь широко и дружелюбно, хотя прекрасно знал, что люди пугаются даже его улыбки – еще бы, вся рожа в шрамах.

Госпожа Элберт невозмутимо взяла у него сложенный вчетверо лист, чуть намокший с одного края, и вскрыла печать ножом. Пока она читала, Саадар с любопытством рассматривал мастерскую: деревянные заготовки, инструменты, полки с гипсовыми головами, верстак в углу, макеты, резьбу по дереву, которую выполняла госпожа. Узоры на ней сплетались, перехлестывались, волнами набегали на края и разбивались. Но, приглядевшись, Саадар вдруг понял, что это вовсе не узоры.

В облаках пыли вставали на дыбы кони, армии сходились в страшной сече, наступали друг на друга, и Саадар забыл обо всем, разглядывая человечков ростом в полпальца, а то

и меньше – но таких настоящих! Они кричали от боли и горланили победные песни, падали и умирали, и копья протыкали тучи, а над далекими холмами стлался пороховой дым.

Саадар хотел протянуть руку и потрогать, но не решился.

– Битва при Тар-Эмисе в Рутене, – голос женщины, глубокий, с ноткой гордости, резко выдернул его назад. – Командарм Торген заказал мне это панно.

– Я... я был там, – пробормотал Саадар внезапно севшим голосом.

– О. – Взгляд госпожи Элберт стал внимательным и серьезным. – Все было так? Мне пришлось восстанавливать события по чужим рисункам и гравюрам.

– Все было так. – Саадар опустил голову, чтобы не смотреть в ее темные глаза, не видеть это жгучее любопытство в человеке, которому должно быть все равно.

И хотя он понятия не имел, что такое гравюра, он помнил эту долину в распадке между горными хребтами. Он помнил бесконечные дожди, грязь по колено, в которой ели и спали – урывками, помнил непрекращающиеся атаки и отступления, атаки и отступления... Холод, болезни, скудную пищу, ожидание, которое страшнее самой битвы. Ожидание, что именно сегодня смерть не пройдет мимо, но всякий раз она проходила – день, два и все последующие дни...

Саадар сжал кулаки. И вдруг понял, что госпожа Элберт смотрит на него вопросительно, будто ждет пояснения.

– Слишком хорошо я это помню, – тихо произнес он. Па-

мать не обжигала, но и время не дарило забвения.

Строгое выражение лица госпожи Элберт чуть смягчилось.

Как она смогла изобразить это, ни разу не увидев? Как сумела показать весь ужас, выразить всю боль, она, женщина, которая вряд ли видела войну?..

Саадар невольно провел ладонью по своим коротким, колким, как иглы, волосам – когда-то темно-русым, а теперь почти полностью седым. Поседел он после той самой ночи, когда рутенцы положили весь его отряд.

– Тебе придется подождать. Бумаги в доме. – Тильда отряхнула с передника стружки и стала аккуратно собирать инструменты в ящик с ручкой.

Саадар немного помедлил, глядя на ее руки в ссадинах и порезах, на то, как она двигается – как-то скованно, несвободно, потом взглянул ей в лицо и выпалил:

– Там же дождь, госпожа! Промокнешь ведь!

Тильда Элберт на миг замерла. Ее губы дрогнули в полуулыбке:

– Спасибо за заботу. Но я – не сахар, не растаю.

Саадар по-доброму усмехнулся:

– Да уж, верно, не сахар!

Госпожа Элберт неожиданно улыбнулась – очень сдержанно, одними губами, но искренне. Сделала знак следовать за ней и вышла под дождь.

Но когда она спускалась по ступенькам, вдруг замерла,

вцепилась в перила до побелевших костяшек пальцев. Закрыла на мгновение глаза. Потом выпрямилась – как будто проглотила одну из своих линеек, и зашагала впереди странным неровным шагом – медленно, с трудом.

– Эй, госпожа, что с тобой? – Саадар нагнал ее и заглянул в лицо.

– Все в порядке. Не стоит беспокоиться.

Саадар разочарованно пожал плечами и пошел следом, чуть отстав. Ему хотелось помочь, но он знал, что это невозможно. Вряд ли ниарх примет от него помощь, даже если нуждается в ней.

Чем ближе Тильда Элберт подходила к дому, тем напряженнее делался ее шаг. Как будто что-то тяжелое давило ей на плечи.

– Обожди здесь, – поднявшись на широкую веранду, куда выходила задняя дверь, женщина обернулась к нему, потом, подумав, прибавила: – Если голоден, то на кухне есть похлебка и лепешки.

И хотя от голода крутило желудок, а из полуподвала тянуло вкусным запахом мясной похлебки и хлеба с тмином, Саадар замотал головой так, что брызги полетели во все стороны:

– Не стоит беспокоиться, моя госпожа.

Он вернул ей ее слова, но она ничего не ответила и просто вошла в темноту дома. А Саадар остался стоять на веранде, крыша которой протекала в двух местах, и там под теку-

щие струйки воды были подставлены ведра. На веранде пахло мокрым деревом, и землей, и дымом из печной трубы, и свежим хлебом. И едва уловимо – теплым, как летний вечер, ароматом женских духов.

Удивительно – такой большой дом, а слуг почти нет. На стройке болтали о сундуках с золотом, которые госпожа Элберт прячет в подвалах, но сейчас верилось в это с трудом. Если что-то и есть в подвалах этого дома – то только темнота, мыши и пауки. Хотелось бы ему хоть глазком одним взглянуть, как госпожа живет, какой у неё дом – красивый?..

Саадар оперся о перила веранды, которые жалобно скрипнули под его весом. И вдруг заметил, что кто-то крадется через сад. Он тронул пояс и сплюнул от досады: шпагу-то уже не носил!.. Потянулся за ножом.

За деревьями мелькала тень. Ближе, ближе... Саадар взгляделся: мальчишка. Уличный оборванец – интересно, как он оказался здесь? Перелез через стену воровать яблоки?

Но не похоже – он шел, опасливо оглядываясь, подволакивая ногу, но куда идти – знал. А за ним волочилось что-то темное, похожее на зверя, цеплялось к ногам, как липкая черная грязь. Какое-то колдовство, будь оно неладно! Зачесались ладони, и мороз пополз от мокрых досок, вцепился крючьями в руки и ноги.

Еще и малолетнего колдуна на его голову не хватало!

Мальчишка шел неровным хромым шагом, прижимаясь к стене каретного сарая, перебегая от одного куста сам-

шита к другому, прятался, но неумело. И вдруг – сорвался с места и понесся в сторону крыльца, спотыкаясь, чуть ли не падая, влетел на веранду... и остановился перед Саадаром, почти врезавшись в него.

– Эй, с дороги, – прошипел он.

– И кто же ты такой, чтобы мне приказывать? – Саадар усмехнулся. Но напряженно следил за мальчишкой, за тем, как у его ног шевелится тень.

– Дурак! Я Арон Элберт!

– А я сенатор, – рассмеялся Саадар.

– Да хоть Многоликий! Вали отсюда! Дай пройти!

– Интересно, что же скажет госпожа. – Саадар схватил мальчишку за руку, тот дернулся, но силенок вырваться у него явно не хватало. Только смотрел – как дикий зверек, пойманный в капкан – огромными округлившимися глазами. Он не мог быть сыном госпожи Элберт – не походил на нее совершенно: рыжий, зеленоглазый. Наверное, и веснушки есть, но все лицо в грязи и царапинах, так что не разобрать.

Видно, недавно он хорошо подрался – волосы слиплись от грязи и крови, мокрая одежда – изорвана почти в клочья, несколько пуговиц держатся на честном слове. На одной ноге нет башмака. Но, кажется, одежды на нем все же не бедняцкие.

– Отпусти! – прорычал мальчишка. – Ты!.. – он задохнулся, придумав ничего крепче «вонючего козла».

Саадар спокойно ответил:

– Если ты сын госпожи Элберт, то я как раз тут твою ма-
тушку жду. Подождем вместе?

Мальчишка снова дернулся, лицо скривилось от боли по-
полам с яростью. Он крикнул что-то: резкое и грубое слово
на чужом языке. Тень тотчас поднялась с пола и метнулась
к Саадару, и вдруг что-то ударило его прямо по темечку –
как будто яйцо на голове кокнули. Что-то холодное и склиз-
кое потекло за шиворот, засочилось по спине. Мигом онеме-
ли руки и ноги, тяжелое оцепенение не давало даже пальцем
пошевелить. Как будто вогнали по самую шею в сырую хо-
лодную землю, закопали, да так и оставили там. Как в шах-
тах Домара – когда Саадар вгрызался киркой в твердую по-
роду, вырубал железную руду в узкой штольне, где лишнее
движение – и ляжет на тебя огромная толща земли, камня,
глины...

Мысли стали неповоротливыми, тяжелыми.

Мальчишка вырвался и дернул куда-то в сторону, но гнев-
ный окрик остановил его:

– Арон!

Краем глаза он ухватил движение рядом и смог узнать
в смутных очертаниях госпожу Элберт.

– Что... ты натворил?! – в ее голосе, жестком до отчаяния,
звенел металл.

– Этот... он... – мальчишка мямлил в ответ, как-то сразу
растеряв весь свой боевой пыл. – Он меня схватил!

Лицо Тильды Элберт вдруг стало страшным. Она то ли не верила, то ли просто не понимала, что случилось. Саадар попытался объяснить, но язык ворочался с трудом.

– Маллар всемилостивый, – пробормотала госпожа Элберт, подходя к нему. Теплый запах духов стал сильнее. – Что... что он сделал?

Заклинание стало понемногу отпускать – не такой уж и сильный, значит, мальчишка, чтобы надолго обездвижить взрослого мужчину.

– Ерунда. – Саадар попытался улыбнуться, но получилось кривовато.

– Я так не думаю. Что сделал мой сын?

Женщина смотрела на него грозно, но очертания лица почему-то плыли, как в волнах раскаленного воздуха.

– А я не понял, госпожа Элберт. Заклинанием каким-то хватил, что ли...

Тильда Элберт побледнела. И Саадар вдруг понял, что сболтнул лишнее. Он поторопился уверить ее:

– Да не бойсь, я привычный. А мальчонке рож... лицо кто-то расквасил хорошо. Вот он и испугался.

Рассказывать о том, как мальчишка бранился, Саадар не хотел. Он продолжал улыбаться – неловко, хотя внутри все переворачивалось при взгляде в потемневшие до черноты глаза Тильды Элберт. Глаза матери, которой невыносимо стыдно за сына. Невыносимо страшно и горько.

– Я не понимаю... Арон не имеет способности к колдов-

ству, – тихо сказала женщина.

Саадар пожал плечами. Конечно, будь это ольмедийский колдун, так легко бы он не отделался, даже малолетние – они опасны, как сам Безликий. Хвала Маллару, мальчишка не знал своей силы, да и вряд ли хотел по-настоящему ударить. Саадар помнил, что бывает, когда колдун хочет убить. Даже слова, жеста не надо. Безо всяких красивых искорок и огня – все просто и страшно.

– Может, случайность, – заключил он.

Заклинание совсем отпустило – и Саадар прошел по веранде, разминая одеревеневшие ноги и руки.

Женщина наклонилась к мальчишке, которого крепко держала за плечо, твердо, не терпящим возражений тоном, сказала:

– Арон, извинись и иди в дом.

Мальчишка глянул на Саадара исподлобья, пробурчал что-то вроде «извини» и, отпущенный матерью, мгновенно скрылся за дверью.

– Мне очень жаль, что мой сын ведет себя как невоспитанный и грубый дикарь. Ты в порядке? – Голос Тильды Элберт бередил душу. Пытаясь отвязаться от едкого чувства, что все идет наперекосяк, Саадар махнул рукой:

– Видишь, живой я. Что там забрать-то надо? Показывай.

Госпожа Элберт протянула ему плотную папку с бумагами, потом указала на длинный ящик, стоящий у двери. Саадар запихал бумаги за пазуху.

Она ни слова не сказала о том, что он должен молчать об увиденном. Но по выражению лица, по тому, как она держалась, было ясно: лучше языком лишний раз не чесать. Хотя он и так не собирался. Какое удовольствие в том, чтобы болтать о чужих горестях? Себе он лучше этим не сделает. А Тильда Элберт не походила на человека, прощающего подобные разговоры.

Она взялась за ручку двери. Собранная и как будто готовая к бою. Она была как большое дерево в тихую погоду. Непокколебимое. Крепкое. Такие деревья могут стоять сотни лет, а потом их вдруг валит обычный осенний ураган...

– Знаешь, дома люди выглядят иначе, – чуть смущенно произнес Саадар, высказав мучившую его мысль.

– Как же? – Госпожа Элберт изумленно подняла бровь, но выражение ее лица не изменилось.

– Беззащитными. Они думают, что стены их защитят, и не боятся. Но ты, госпожа, – Саадар подошел и придержал перед ней массивную дверь, – выглядишь так, будто тебе приходится защищаться от этих стен.

Он чуть наклонил голову – в знак уважения, не задерживаясь больше, подхватил тяжелый ящик и шагнул во двор, в сырой мрак, стоящий между стенами и деревьями, в дождливую тишину, которая – как кость в горле. Ноги сами несли его прочь от этого угрюмого дома. Что-то застарелое, темное гнездилось тут, и как не поверить словам подмастерьев о той жути, что таскается следом за госпожой Элберт?.. Мо-

жет, виной тому мальчишка, так непохожий на свою мать, может – сама эта мрачная громада, этот домище – Саадару не хотелось об этом думать.

И он был рад оказаться отсюда подальше.

Тильда вошла в комнату сына и остановилась: Арон сидел на широкой скамье у открытого окна, а Мэй стояла перед ним на коленях, промывая ссадины. Остро и резко пахло рутой, нагретым салом и растертой петрушкой.

– Спасибо, я закончу сама. – Тильда подошла к ней и взяла у девушки смоченную водой тряпочку. – Сходи к отцу Терку, попроси его прийти осмотреть Арона.

– Да, госпожа.

Горничная коротко кивнула и вышла, мягко прикрыв дверь. Тильда присела перед сыном, налила в тазик чистую воду.

– Не дергайся.

Арон скривил недовольное лицо. Он усиленно делал вид, что ему страшно больно, наверное, перед Мэй разыграл целую драму в нескольких действиях, рассказав о том, какие ужасные монстры за ним гонялись и как храбро он от них отбивался.

Тильда промывала ссадины от запекшейся крови, – сколько раз она делала это за последние годы? Привычно-осторожные движения – слишком горько смотреть в лицо сына – расцарапанное, с огромным синяком под глазом, с разбитой губой и сломанным носом. Казалось, каждое ее движение должно причинять ему нестерпимую боль. На руках, на но-

гах, на теле – синяки, как будто его били несколько человек, не жалея сил.

Руки дрожали и не слушались, заледенев, как от родниковой воды.

Ссадина на лбу у Арона была слишком глубокой.

– Придется зашивать, – сказала Тильда ровно. – Надеюсь, ребра ты себе не переломал. Позже отец Терк осмотрит тебя.

Арон дернулся, побледнел и закусил губу, но ничего не ответил. И молчал – упрямо, зло, болтая в воздухе ногой, делая вид, что ему все равно, следил за какой-то мухой, которая билась о стекло с нудным жужжанием. В глаза Тильде он не смотрел. Только шмыгал носом и крепче стискивал зубы.

Наконец Тильда закончила промывать царапины и бросила грязные тряпки в тазик.

Поднялась и села рядом с Ароном на скамью.

– Что случилось? – Она была уверена, что Арон начнет рассказывать небылицы: так было почти всегда.

– Ничего, – буркнул Арон под нос, – не случилось.

– И ты не дрался?

– Дрался.

– С кем?

Арон молчал.

Тильда сжала губы: злость разгоралась в ней все сильнее и сильнее. Давно так сильно не злилась она, с тех пор, как...

Гарольд мертв, напомнила она себе. Мертв давно, накурился дурманящих разум трав и не проснулся наутро, не оч-

нулся от своих страшных видений. И Арон – вовсе не ее покойный муж.

Но поверить в то, что Арона просто подкараулили и побили, было сложно. Скорее, он сам затеял драку, сам полез к другим мальчишкам, за что и получил!.. А магия – откуда такая сила?.. Неужели...

– Арон! С кем ты дрался? – повторила Тильда вопрос. – Ты пришел весь в синяках! Пытался колдовать! Что я должна думать?

– А не все равно? – выпалил вдруг сын, не поворачиваясь к ней. – Тебе же плевать на меня! Тебе на все плевать, кроме своих бумажек! Ты даже спишь в своем кабинете!

Арон вколачивал злые слова в нее, может, не понимая, что говорит, а может – делая это нарочно. Но слова ранили – больно и жестоко. Ранили до кости.

Тильда поднялась со скамьи, отступила на несколько шагов, пока не наткнулась на стул. Деревья за окном уже погрузили спальню в полумрак, и острый профиль Арона почти слился с этой темнотой.

– Не советую грубить мне, Арон. – Самообладание стремительно покидало ее. – Мало того что я тебя нахожу ночью в коридоре вместе с Людо, так еще и сегодня эта драка!..

На лице Арона пятнами проступила краска, светлые – отцовские – глаза превратились в щелочки. Он вдруг стал до того похож на ее покойного мужа, что рука дернулась к воротнику – дышать стало трудно. Перед ней словно воз-

ник из небытия Гарольд – такой же рыжий, крепкий, так же вздернут подбородок, и взгляд такой же – ненавидящий и надменный.

Арон выдвинулся вперед, как будто собирался напасть. Сжал кулаки.

– Ну? Ты и на мне свои заветы попробуешь? – тихо, со страшной угрозой в голосе, произнесла Тильда.

Ноздри Арона раздувались от гнева.

– Могу и попробовать!

Решение вспыхнуло мгновенно.

– Прекрасно! Сегодня же напишу дядюшке Рейнарту в Оррими и отправлю тебя в орден Смирения. Поедешь туда! И будешь пробовать свои заклинания там!

Она сама не верила, что говорит это – даже если бы сын имел силу, она бы не отправила его в монастырь. Арон округлил глаза – и задохнулся, не смог ничего ответить.

– Я никуда не поеду! – Арон вскочил на ноги. От возбуждения он кричал так, что слышно, наверное, было во всем доме. – Еще чего! Я не собираюсь становиться монахом! Это же... Это же на всю жизнь!.. Я не хочу!

– Не обсуждается, – отрезала Тильда. – Поедешь. Никто тебя спрашивать не будет. Мне не нужно, чтобы ты распугивал людей своим колдовством! Отец Грегор говорил, что у тебя пройдет вспышка силы, что ты не можешь быть служителем Многоликого... А вот как оказалось! Каково – взрослого мужчину оглушить! Просто так!

– Он не хотел меня пускать домой!

– И правильно! Посмотри на себя! Одежду уже не починить! Башмак где-то потерял!

– Подумаешь!..

– Подумать тебе бы не мешало! – оборвала его Тильда. – Хоть раз!

Вид у Арона был непонимающий, кислый и злой одновременно. Он словно пылал, таким красным было его лицо, так неистово рыжели его короткие, торчащие во все стороны волосы.

– Ненавижу. Ненавижу тебя. – В глазах его стояли слезы, а голос звенел. – И храм твой ненавижу. Пусть он обвалится!

На миг Тильда замерла.

– Что ж, в Оррими ты избавишься от моего общества, – слова горчили, как подгоревшая хлебная корка, но Тильда говорила. – И может, там тебя наконец научат манерам.

Они стояли друг напротив друга, и Арон тяжело дышал.

Глядя на сына, Тильда ужаснулась всему сказанному в сердцах. Но было поздно. Несправедливые, неправильные слова – как кирпичи, из которых можно выстроить высокую и крепкую стену.

Арон порывисто бросился к сундуку, сдернул с него деревянного генерала Тоймара, и Тильда не успела ничего сделать, как сын подошел к окну, что-то хрустнуло, и обломки полетели в сад.

Обернулся к ней, выпучив глаза цвета недозрелого кры-

жовника, глядя так, будто пригвождал навсегда к полу.

Успокоиться. Мыслить холодно. Вздохнуть.

– Ложись в постель, – ледяным тоном произнесла Тильда. – Сейчас придет лекарь. Ты наказан.

Но Арон продолжал стоять посреди комнаты, упрямо подняв исцарапанный подбородок.

– Я убегу, если ты меня в Оррими отправишь, – прошипел он.

И, глядя в его решительное лицо, Тильда поняла: убежит. И ничто его не удержит – ни заборы, ни запертые двери, ни она сама.

...Слова загораются и гаснут, не находя выхода, застывают льдинками на языке. Превращаются в неподъемные камни, в тяжеленные гранитные глыбы.

Все замирает, словно попав под оглушающее заклятие. И Тильда видит, как медленно, будто во сне, распахивается дверь и возникает темный силуэт, худой и сутулый на фоне янтарного прямоугольника.

Оцепенение резко разбивается, и оба они вздрагивают.

– Простите, госпожа, я стучал, но мне не ответили... – Тильда узнает в человеке, стоящем на пороге комнаты, лекаря Дариона Терка. За его спиной маячит Мэй, заглядывая в спальню через плечо мужчины.

– Госпожа, я сказала мастеру Терку заходить... – начала было девушка и вдруг попятилась назад, словно увидела призрака. Но Тильда ответила спокойно, хотя лицо горело:

– Спасибо. Отец Терк, прошу вас.

Пока лекарь здоровался, вынимал из сумки инструменты и склянки, пока мягко, но настойчиво уговаривал Арона сесть, Мэй прошептала:

– И еще, госпожа... К вам дама. Ожидает в парадных по-
коях.

Тильда сдвинула брови, глядя краем глаза на сына, кото-
рый что-то тихо отвечал целителю.

– Кто? – все же поинтересовалась она.

– Госпожа Корнелия Райнер.

* * *

Выйдя из комнаты сына, Тильда прислонилась к стене и закрыла глаза. Глубоко вздохнула, стараясь успокоиться, но чувство было такое, будто внутри волнуется темная тяжелая вода, и никак ее не унять. Она постояла немного, глядя перед собой.

Обжигающая темнота внутри постепенно остывала.

Негнушмиися пальцами Тильда сняла передник, перепач-
канный кровью, и усилием воли заставила себя спуститься
по лестнице на первый этаж. Меньше всего ей хотелось сей-
час видеться с чужими людьми, плести из незначительных
пустых фраз рваное полотно разговора.

В мутном зеркале, что висело на лестничной площадке
напротив парадных дверей, она столкнулась со своим отра-

жением – угрюмым и суровым. Сведенные к переносице брови и тяжелый взгляд не красили ее, и казалось, что тревоги и заботы лежат на ней старинным оплечьем, давят, пригибая к земле.

Корнелия Райнер ждала ее в полутемной зале, разглядывая картины и медные стенные подсвечники с круглыми отражателями, и обернулась, когда Тильда вошла в комнату.

– У вас весьма необычный дом, госпожа Элберт. Позднеимперский стиль, полагаю. В закатные дни Империи настроения в обществе царили упаднические, и это, разумеется, отразилось на искусстве. Все это черное дерево и медь... Пожалуй, ваш дом – одно из последних мрачных свидетельств той эпохи, – заключила женщина.

– Что-то же должно напоминать людям, что империи рушатся – время от времени, – вежливо-холодным тоном ответила Тильда. – Прошу, садитесь, – она указала на кресло.

Корнелия Райнер улыбнулась на это – насквозь неискренне – и приняла предложение.

По долгу службы Тильде приходилось иметь дело с ниарахами, министрами и сенаторами, но в дома знати она входа не была. Поэтому с Корнелией Райнер знакомство ограничивалось редкими встречами в Канцелярии и соседством: дом, а вернее, дворец Райнеров располагался через квартал от дома Тильды.

И что понадобилось от нее сенатору, Тильда не понимала. Мысли по кругу возвращались к Арону, к тому, что нуж-

но написать письмо в монастырь Отречения в Оррими, двоюродному дядюшке, его настоятелю – к будничным и привычным заботам. Но, по крайней мере, ее гнев немного утих, остуженный светским ледком госпожи Райнер.

– Надеюсь, я не отвлекла вас от работы? – Кажется, Корнелия Райнер заметила ее рассеянность. В голосе сенатора звучали тщательно выверенные нотки сожаления.

– Я бы сказала, что сегодня вам повезло. Обычно я не бываю дома в это время, госпожа сенатор. – Учтивость давалась Тильде как никогда тяжело. – Но и дома у меня всегда много дел.

– Не сомневаюсь, что так и есть. – И, несмотря на то что сказано это было ровно, Тильда почуяла за словами что-то подспудное.

Ледяное презрение сквозило в красивом тонком лице женщины, в обманчиво-расслабленной позе. Тильда отметила ее безупречный наряд: прекрасно пошитое зеленое платье, отделанное широкой серебряной тесьмой, тончайший кружевной воротник, со вкусом подобранные украшения, явно очень дорогие, но неброские. Корнелия Райнер умела произвести впечатление, а сейчас она явно надеялась смутить Тильду.

Дамы из света так предсказуемы.

– Тогда предлагаю не тратить время на любезности. – Тильда постаралась, чтобы это не звучало слишком резко, но по тому, каким застывшим взглядом Корнелия Райнер

одарила ее, поняла, что женщина молчаливо ее осуждает.

– Хорошо. Предмет нашего разговора крайне неприятен мне, и я надеюсь на полное понимание с вашей стороны. На полное понимание, как матери. Думаю, вы догадались, что речь пойдет о моем сыне, – начала госпожа Райнер мягко и вкрадчиво.

– Простите, но я не понимаю, о чем вы, – так вежливо, как могла, ответила Тильда. Но больно резануло в груди: значит, Арон все-таки подрался с сыном госпожи Райнер!..

Тильда вспомнила, что слышала что-то о Рори Райнере от Арона. Но что именно? Да, несколько месяцев назад он кого-то побил. Тильда не была склонна осуждать незнакомых людей, тем более – верить Арону с его постоянной ненавистью к кому-нибудь из сокурсников. Но тревожный звоночек все-таки прозвучал.

– Ваш сын уже вернулся? – Корнелия Райнер изящно приподняла бровь. В наблюдательности ей отказать было трудно, и улыбка скользнула в уголки губ при взгляде на платье Тильды, на манжетах которого засохли бурые пятна крови. – Я бы хотела с ним поговорить.

– Объясните, что произошло.

– Полноте, госпожа Элберт, вы прекрасно все знаете, – голос Корнелии Райнер стал жестче. – Речь идет о том, что ваш сын избил Рори. Причем очень жестоко. Я ожидаю публичных извинений от вас и от вашего сына, возмещения расходов на лекаря, а также хочу, чтобы вы забрали сына из шко-

лы.

Тильда с досадой подумала о том, что так и не выяснила у Арона обстоятельств драки.

– Мне хотелось бы думать, что вы понимаете вину вашего сына в произошедшем, – продолжила Корнелия Райнер. На ее холодно-надменное лицо смотреть было невозможно: такое превосходство читалось в нем!

– Я не могу судить о том, чего не видела своими глазами. А вы видели драку? Или знаете обо всем лишь со слов *вашего* сына?

Корнелия Райнер не изменилась в лице, но от неосторожно-резкого движения качнулись тяжелые золотые серьги.

– Я надеялась на ваше здравомыслие и понятия чести... Что ж. Видимо, таковых понятий для вас не существует. Тогда мне придется принять иные меры, – отбросив привычную ей дипломатию, заявила госпожа сенатор. – Вы понимаете, чем это грозит вашей семье?

Тильда устало вздохнула.

– Я не потерплю угроз в мой адрес или в адрес моего сына, тем более – необоснованных. Или вы называете здравомыслием подчинение лишь по тому только праву, что вы нирх? Позвольте напомнить в таком случае, что перед законом Республики мы равны.

– Ваш сын использовал магию. Вы полагаете, это необоснованные угрозы? Он не контролирует себя. Он опасен.

И Тильда с ужасом поняла, что Корнелия Райнер права.

Из-за чего бы ни возникла драка, Арон не может себя сдерживать.

– Я знаю лишь одно: вы пришли в мой дом и угрожаете мне бездоказательно! Те же самые обвинения могу выдвинуть и я, учитывая, в каком состоянии вернулся мой сын, – резко ответила Тильда. И снова горячее и злое чувство поднималось внутри, билось в такт сердцу, и еще быстрее, быстрее... Захлестывало ее.

– Я жду извинений, – требовательно сказала Корнелия Райнер, вставая. Она была ниже ростом, но даже поднимая голову, чтобы видеть лицо Тильды, смотрела сверху вниз. – И требую, чтобы ваш сын отправился туда, где таким, как он, самое место. В Отречение.

– Извинений вы не получите, пока не станут ясны обстоятельства драки, – отрезала Тильда. – И никакого права требовать от меня чего-либо у вас нет. Напомню вам, что Маллар Судящий слеп, и ему нет дела до того, ниарх стоит перед ним или найрэ! Как, собственно, и мне!

Лицо Корнелии Райнер стало таким, будто она унюхала какой-то мерзкий запах. Голубые глаза сверкали льдом.

– О, видимо, все же ваш сын унаследовал дурные наклонности своего отца. Я помню господина Элберта – пренеприятнейший был человек. Так что я не удивлена.

– Может, прямо скажете, что он пошел в своего папашу – редкостного мерзавца? Не умеющего держать себя в руках? – голос Тильды зазвенел, ударяясь в стены комнаты. – Пьяницу

и транжиру, известного по всем притонам города? И в мать – шлюху, которая спит с сенаторами?

Лицо Корнелии Райнер сначала побледнело, а потом – лихорадочный румянец проступил сквозь слой пудры. Ее губы искривились.

– Вы... непозволительно грубы.

– Пожалуй, это не самое худшее, что можно сказать обо мне и о моем сыне, – очень четко и ясно ответила Тильда. Ее трясло от одного вида этой женщины, которая бесцеремонно пыталась влезть в дела ее семьи. – И указывать мне, как поступать с моим ребенком, вы не имеете права.

Они замолчали, глядя друг на друга. Тишина поглотила их, напряженная, колющая, болезненная. И Тильда стояла, упрямо глядя в глаза Корнелии Райнер, ведь иного оружия у нее не было. Спина болела от напряженной позы, боль дрожала на куски колена, но Тильда не показывала этого.

Ничего не ответив, Корнелия Райнер повернулась и медленно и грациозно двинулась к выходу.

– Всего хорошего, – бросила она через плечо, и слова, скомканные и не поднятые, так и остались лежать между ними.

Хлопнула дверь, потом еще одна, всхрапнули кони, застучали по кирпичной плитке колеса экипажа, и все стихло. Сонно бормотал дождь за окном.

Тильда взглянула на портрет, что маячил со стены, сжала зубы от злости, в бессильной ярости ударила кулаком по рез-

ной спинке стула и устало опустилась на него.

Время шло, и ничего не происходило, и постепенно она начала успокаиваться. Душившая ее ярость сменилась пустотой. Арон, и эта женщина, и господин Коро, и стройка – все мешалось в мыслях, прежде – таких ясных.

Осторожные шаги заставили ее поднять голову. Это был отец Терк.

– У Арона сломан нос, и мне пришлось зашивать рану на лбу, – деловито доложил лекарь. – Но он крепкий малый, на нем все как на кошке заживает. Стараниями Многоликого все будет хорошо.

– Спасибо, мастер Терк, – тусклым голосом ответила Тильда. Слишком много сил она сегодня отдала...

Лекарь ощутил это и обеспокоенно спросил:

– А вы, госпожа? Как ваше колено?

– Все так же.

– Позвольте?..

Тильда кивнула. Лекарь нагнулся к ней и начал осторожно ощупывать ногу, почти невесомо прикасаясь горячими и сухими ладонями к коже. От него неприятно пахло лекарственными порошками – как-то едко, но он прекрасно знал свое дело, к тому же – был из ордена Отрекшихся и практиковал целительство не только травами, но и с помощью сил Многоликого.

Многоликий... Сердце стукнуло слишком сильно и быстро.

– Мастер Терк... Вы полагаете, Арон может учиться вашему ремеслу?

Мужчина отвлекся от осмотра и глядел долго, не мигая. Потом ответил:

– Я полагаю, моя госпожа, что ему *следует* учиться. Но не в Отречении и не в Смирении. Его натура не сможет отказаться от земных благ и земных забот. – Мужчина помолчал, но, не получив ответа, продолжил: – А что касается ваших болей, то вот средство – должно их облегчить... – Он долго рылся в сумке, но наконец выудил на свет небольшой пузырек с мутным белесым настоем. – По ложке в день, госпожа, вместе с теми растираниями, что я вам дал.

– Спасибо. – И в этом слове было чуть больше, чем простая благодарность за проделанную работу.

Мастера Терка она проводила до порога, глядя на его коричневый балахон, на выбритые виски, на знак служителя Многоликого – особенным образом повязанный пояс. Неужели Арон станет таким же? Будет лечить других или молиться о заблудших душах, а может – путешествовать, помогая страждущим... Он научится – обязательно – обуздывать свою силу.

Но в это верилось слабо.

Несколько мгновений Тильда смотрела вслед целителю. Потом глубоко, с наслаждением вздохнула – лица коснулся сырой воздух, который принес сладкие, терпкие ароматы самшита и сырого камня.

И нехотя побрела назад, к дверям, раскрытым настежь в темные покои дома, где жила уже пятнадцать лет.

У двери на столике стояла лампа, и Тильда увидела письма, пришедшие на ее имя. Их было несколько: пузатые коричневатые пакеты – из Градостроительного ведомства, одно письмо на белой и одно – на голубой бумаге. Чтобы отвлечься от горестных, темных мыслей, Тильда взяла их все и тут же вскрыла печать сначала на голубом.

Это было приглашение на ежегодное празднество торгового дома «Солейн», объединяющего виноделов, подписанное старинным другом ее отца. Тильда отложила его – на празднество в этом году она не собиралась. Нужно будет сочинить вежливый ответ с отказом...

Письма из министерства не содержали ничего необычного, это были бумаги на подпись и сметы.

Белый же конверт и печать на нем принадлежали брату. Тильда взломала сургуч. Быстрые, неаккуратные буквы складывались в три предложения: «В вино попал жук тукки. Все бочки «Западного Арха» пропали. В этом сезоне выслать денег не смогу».

Не веря, Тильда смотрела на лист бумаги в руке. Смотрела, а буквы то вспыхивали синим, лезли в глаза, то искривлялись, расплывались в каком-то тумане. Ее обступила липкая морось, и ощущение было такое, будто идешь наощупь в темном погребу, а к лицу пристала паутина.

Она выругалась – бессвязно и зло, выражая всю боль,

все отчаяние в словах. Четыре пятидневья до Долгой ночи! Без денег, вырученных за вино, она не сможет собрать оставшуюся сумму для господина Коро, а недоимки в этот раз он не потерпит – в прошлом году она и так не смогла заплатить десять золотых.

Тильда вышла на крыльцо и села на мокрые ступени, и от резкого движения боль вонзилась в колено раскаленным гвоздем. Тильда хотела завывать – в голос.

Но у нее больше не было ни слез, ни слов.

Предутренние серые сумерки застали Тильду в напряженной позе за письменным столом – среди вороха конторских книг и расписок.

Она откинулась на спинку стула, чувствуя затылком холодное твердое дерево. Глаза болели, а плечи сводила судорога. Тильда провела ладонью по лицу, пытаясь стереть усталость, заставить себя сосредоточиться на цифрах.

Длинные столбцы их чудились, едва она закрывала глаза, эти цифры наливались красным и распухали, будто напившиеся крови пиявки, и никак не отодрать, никак от них не избавиться, и в голове – только бесконечные ряды чисел, что получено и что израсходовано, описи имущества, общая сумма, остаток и долги...

Тильда встала, чтобы размять затекшую спину. Прошлась по кабинету: от бюро к окну, от окна – к пустому камину, от камина – к шкафу.

Чтобы выплатить долг господину Коро, ей не хватало семидесяти золотых монет. Тильда смотрела на перстень с геммой и серебряные часы-луковицу, лежащие на столе – единственные ценные вещи в этом доме. И то и другое – подарки отца. Даже если продать их, а заодно и оставшиеся картины, и добавить еще то, что было отложено на черный день, можно выручить в лучшем случае две трети суммы.

Взгляд наткнулся на громоздкий шкаф в углу. В его ящике, запертом на ключ, хранилось пятьдесят тионов серебром, приготовленных для уплаты рабочим и подрядчикам.

Это неправильно, сказала Тильда себе, но рука сама потянулась за ключом к цепочке на поясе. Я не имею права лишать рабочих их жалованья, – пробубнила из своего угла совесть, но ключ повернулся в замке. Я не смогу вовремя вернуть эти деньги, – доказывал разум, но ладонь ощупывала тяжелые холодные кругляши.

А перед глазами вставало узкое бесцветное лицо господина Коро с хищной, острой улыбкой и взглядом дознавателя.

В ее ремесле честность – не добродетель. И стоит ли бороться, чтобы эту добродетель сохранить?..

Она подошла к макету храма, стоящему у окна, провела рукой по искусно вырезанному из дерева куполу и двойной колоннаде, по скатам крыши над порталами, по аркам окон...

Был еще один выход. Зыбкий и ненадежный.

Тильда знала, что у нее есть право обратиться к торговому дому «Солейн» за помощью – ведь в нем помогали всем своим членам, оказавшимся в затруднительном положении.

Так что приглашение на прием оказалось кстати – праздник должен был состояться через два дня. Но Тильда не полагалась только на помощь торгового дома, в крайнем случае она готова была расстаться с частью родовых земель. Она без колебаний продала бы и опостылевший особняк в столице и переселилась в Бронзовое кольцо, но дом был

завещан Арону, и распоряжаться им Тильда не могла.

– Проклятье!.. – Она в бессильной ярости сжала кулаки.

«Ты все равно утонешь», – подсказала ей темнота.

Взгляд заметался по кабинету: стены, выплывавшие из темноты, клонились из стороны в сторону, словно пьяные. Предметы не хотели принимать привычные очертания.

«Горы горя пройдешь? Горы огнем горят, как уголья».

Взгляд остановился на распахнутых дверцах шкафа – изнутри тускло блеснули выстроенные в строгий ряд, как солдаты на плацу, корешки томов «Истории Республики». А голос все шептал – то едва различимо, то громче, он твердил об огне и горе, о темноте и забвении, принося откуда-то дыхание тлена и времени. Тильда ухватила за край стола, но дерево под пальцами вдруг стало невыносимо скользким.

– Кто ты? Что ты? – шепнула Тильда.

Темнота расхохоталась в ответ.

– О, милая, ты меня знаешь, знаешь...

Ветерок тронул тяжелые пыльные шторы. Скрипнула половица. А с портрета над камином глянуло знакомое лицо. Гарольд Элберт – вместо портрета отца.

– Вот и свиделись, любовь моя.

Тильда вздрогнула от голоса, властного и сильного, скрипучего, как рассохшееся дерево.

Мужчина шагнул ей навстречу с портрета – такой, каким она его помнила. Высокий, крепкий, с тонкими усами и бородкой. Тильда отшатнулась, попятилась, натываясь на сту-

лья и кресла. Покатился упавший с подставки глобус.

Гарольд Элберт надвигался, растягивая в улыбке узкие губы. Тильда пыталась схватиться за что-нибудь, но под пальцами был лишь воздух.

В лицо дохнуло холодом и сыростью, землей – такой знакомый запах, запах акации и дождя... Мокрые, потные ладони на лице, на шее, и вниз, к вырезу платья, поползли по спине, что-то коснулось губ – как в поцелуе... Тильда резко дернулась, чуть не потеряв равновесие, сделала шаг, второй – к двери.

– Убирайся! Мразь!

– А ты изменилась, – глумливо шепнул ей в ухо Гарольд. – Что это? Седина? А на руках – мозоли? Где же моя нежная женушка?.. Зато Арон стал так похож на меня...

Тильда попыталась вырваться, но что-то резко отбросило ее к стене, и дыхание перешибло, потолок и стены завертелись, меняясь местами. Перед глазами поплыли цветные круги.

– Твоя семейка... надменные богатеи, туда им и дорога, всегда на меня смотрели, ты смотрела... как на дерьмо... Под корень срубить, сжечь, чтобы только зола, ненавижу, ненавижу, – бормотал Гарольд, и его голос то звучал рокотом барабанов, то затихал до едва слышного шепота.

Тильда вскочила, рванулась из зыбких объятий, хотя ноги подкашивались и дрожали колени, и бросилась прочь – из кабинета, в коридор, вниз, вон из дома!..

На лестнице она столкнулась с Мэй. Девушка с грохотом уронила совок и чуть не опрокинула ведро с углем. Она вскрикнула – и этот исковерканный жуткий крик замер в воздухе.

– Прочь, – приказала Тильда, оттолкнув оцепеневшую девушку.

Округлив от ужаса глаза, та ринулась по коридору и пропала за одной из дверей.

И словно кто-то резко сдернул темное пыльное покрывало с лица, и Тильда увидела, что все вокруг – обыкновенное, привычное: дубовые панели на стенах, белая штукатурка, скамьи и сундуки, старинная мебель черного дерева.

Темнота уползала, сворачиваясь в углах, чужая хватка ослабла и вот пропала вовсе. Мысли стали ясными.

– Госпожа...

Внизу, у подножия лестницы, стоял Эрин с подносом.

– С вами в порядке все?..

Вернулась боль в колене, а сердце все еще колотилось, и дышать было трудно, как будто она долго бежала. Тильда добрела до скамьи и опустилась на нее, невидяще глядя сквозь стену. Руки тряслись.

Вдруг ее запястья коснулась сухая и горячая ладонь – и на плечи лег теплый платок. Эрин словно выводил ее из темноты – к ясному дню, к теплу, к свету, к людям.

– Хотите чаю? Я мигом! – его голос, живой, настоящий, знакомый с детства, успокаивал.

– Спасибо, Эрин, лучше подогрей вина.

– В кабинет принести, госпожа?

Тильда кивнула.

Вопросы. Вопросы жгли ее. Возможно, то был всего лишь сон, морок... или?..

...или это злое колдовство сына?..

Эта мысль, больная и страшная, ударила мощно, как морской вал, и заставила Тильду подняться и, хромая, дойти до комнаты Арона.

Плотные шторы и закрытые нижние ставни погрузили ее в полумрак. На столе стояла курильница с травами, которые слабо тлели. Тильда не помнила, чтобы отец Терк оставлял здесь эту курильницу... Сын лежал на кровати неподвижно, его голова тонула в мягкой подушке.

Тильда глубоко, прерывисто вздохнула. Все спокойно... пока.

В комнате пахло как-то странно. Чем-то жженым, как будто горелыми грязными тряпками, душно и мерзко, от этого запаха невозможно было отвязаться.

– Что же... – Тильда наклонилась к сыну. Он лежал, повернувшись к стене, и дыхание у него было размеренным и глубоким, как у спящего. Но сердце колотилось в предчувствии – смутном и диком.

Ей хотелось разбудить Арона, заставить сейчас же собрать вещи и ехать в Оррими, но нужно было дождаться ответа от настоятеля.

Тильда молча вернулась в кабинет. Подняла глобус, с подозрением покосилась на портрет отца – его лицо казалось добродушно-обыкновенным.

Вдруг что-то стукнуло в окно. Тильда резко обернулась – никого. Она распахнула створки – и ей показалось, что кто-то прячется за деревьями. Тильда замерла – замерла и фигура. Чужак! На фоне синеватых в утренних сумерках каштанов явственно различался некто, стоящий внизу на дорожке и глядящий вверх, прямо на нее.

Тильда не помнила, как схватила с подставки тяжелый отцовский пистоль, который Эрин всегда держал в порядке, как взвела курок.

– Убирайся.

Человек склонился, будто снимал шляпу в приветствии.

– Кто бы ты ни был – убирайся.

Выстрел оглушил ее, ослепил пороховой вспышкой, но Тильда удержала оружие, хотя отдача оказалась сильнее, чем она помнила. Фигура за окном проступала сквозь пороховой дымок, приобретая странные вытянутые очертания, и вдруг пропала, словно ее сдул ветер.

– Госпожа? – В комнату почти влетел Эрин. – Что...

– Будь ты проклят, – зло пожелала Тильда, правда, она сама не знала, кому. Обернулась к Эрину с бесполезным уже пистолем в руках.

Эрин забрал его, помог собрать разлетевшиеся со стола бумаги. И ни о чем не спрашивал, ничего не говорил.

— Я думала, к нам полезли воры, — наконец смогла произвести Тильда, когда больше не осталось дел, которыми можно было занять руки. — Кто-то ходил там...

Эрин без слов кивнул, и Тильда отпустила его.

Она еще раз заглянула в ящик, в котором хранились деньги. Решение пришло само, отчаянное, неправильное, но неизбежное.

И когда Тильда вернулась в спальню — она кивнула своему бледному, растрепанному отражению в мутном старом зеркале. И увидела, что в волосах как будто прибавилось седины, а глубокая морщинка пролегла между бровей.

Закутавшись в платок, Тильда стояла у окна, и вино так и осталось не выпитым. Она стояла, пока горизонт на востоке не окрасился розовым, переходящим в алый, и на фоне этого фантастического, страшного в своей красоте рассвета не встали высокие иглы тысячи башен, дырявя шелк неба.

– Эй, Рем, слышал? Да стой, оставь это!

Саадар нес доски и не видел того, кто его окликнул. Чья-то светлая макушка мелькнула рядом, потом пропала, а затем перед ним выскочил, как крыса из норы, смуглый паренек с выцветшими волосами и жидкой бородкой, действительно смахивающий на крысу. Кожаный передник съехал набекрень, одежда чем-то заляпана.

– Ну? Некогда мне лясы точить, Берт, – недовольно ответил Саадар и выдвинулся вперед, но проход был слишком узким, чтобы разойтись двоим, а паренек загородил его.

– Да ты послушай! – Лицо Берта раскраснелось, а глаза лихорадочно блестели.

– Зашибу, если не уйдешь, – предупредил Саадар, но парень не испугался. Он был из тех, что таскались за ним – Саадар и сам не понимал, откуда они такие берутся. После той истории с подмастерьями одни его остерегались, другие же наоборот – пытались с ним сойтись во что бы то ни стало.

– Знаешь, что болтают? Говорят, будто бы сюда сам господин Айхавен явится. А может, даже сам отец Идринн! Провинилась чем-то наша госпожа, что ли? Как думаешь? Таких шишек увидим, а можа, чего интересное выйдет.

– Мне-то что? Я знай свое дело делаю, до шишек этих мне как до звезд.

Но огонек любопытства в нем все же затеплился. Ему хотелось посмотреть, какие блестящие господа заявятся на стройку, а पुще того – как им понравится месить ногами здешнюю грязь.

– Госпожа сейчас всем сполна отвесила, – усмехнулся паренек. – Мастерам особенно. Ты ж знаешь, да? Мастер Руфус не уследил за тем, чтобы бревна вовремя привезли. А у нас гашеная известь кончается. И мастер Элберт ему как давай высказывать все! Пропесочила знатно. Ох и злая она! И знаешь, такая спокойная, но злющая! Ратто – того вообще высекли, хоть и было за что! Но не помню, чтобы она так лютовала! Как бы не полететь отсюда!

– Да с чего ты взял, что полететь можем?

Лицо парня аж перекосило – выцветшие брови поплыли вверх, а широкий рот разевался, как у рыбы. Берт быстро-быстро заморгал.

– А вспомни, как она с мастером Каффи обошлась! – начал он невообразимой городской скороговоркой, глотая окончания слов. – Он, конечн', вор и порядочная свинья, ну так оно и понятн' – кто к деньгам близк', всяк вор, а у г'спожи голова не в порядке, она, понимаешь ли, на честности свернутая, да и вообще – я б на ее месте тож не рад был. Работа у каменщиков стоит. А скор' зима, смекаешь? Ты с юга, кажись, а зимой-то у нас строить несподручн', раствор не возьмется, у нас тут снег может выпасть очень даже нич'го! А теперь и мастеру Руфусу влетело. Она его обратно

к каменщикам отправила, и нет у нас теперь мастера-строителя, а госпожа за двоих отдувается...

– Все-то ты знаешь. – Тяжелые доски неудобно оттягивали руки, а положить их было некуда. – Знаешь, что? Кончай болтать, мне отнести надо.

– А я бы на место Каффи встал! – мечтательно улыбнулся паренек, показывая заметную щербинку между передними зубами – говорят, к богатству такое. – А что? Я грамоте учен, математику знаю и не зеваю, если что.

– Так иди и скажи это госпоже Элберт. Или кишка тонка? Давай, вали с дороги.

Улыбку паренька как смыло, когда он увидел, что Саадар и не думает шутить – а просто идет вперед. В узком проходе под лесами Саадар бы задавил этого малого, и парень попятился, что-то невнятное крикнул, потом развернулся и скрылся за поворотом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.